

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Топанова Гульмира Туяковна

СМЫСЛОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ СТУДЕНТОВ)

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор Мещерякова Эмма Ивановна

Томск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Проблема исследования идентичности личности	11
1.1 Обсуждение проблемы становления понятия идентичности в психологии.	11
1.2 Эмпирические модели идентичности в психологии	18
1.3 Амбивалентность статуса идентичности как методологическая проблема .	26
1.4 Роль смысловых аспектов в исследовании функциональности идентичности личности.	35
1.5 Этничность как конструкт идентичности личности	42
1.6 Репрезентативные методики в исследовании смысловых аспектов идентичности.	48
Глава 2. Методологические и методические основания исследования смысловых аспектов идентичности личности студентов	55
2.1 Программа исследования.	55
2.2 Выборка исследования.	58
2.3 Методология и методы исследования.	59
2.4 Апробация техники репертуарных решёток Келли в исследовании идентичности личности.	70
Глава 3. Сравнительный анализ смысловых аспектов идентичности студентов казахской и русской национальности	76
3.1 Тематические образования как смысловые аспекты личностных конструктов.	76
3.2 Кластерный анализ смысловых аспектов идентичности личности студентов в системе личностных конструктов студентов.	92
3.3 Взаимосвязь автобиографии со смысловыми аспектами и жизнестойкостью личности.	99
3.4 Гендерные и этнические особенности студентов.	104
3.5 Модель смысловой структуры идентичности личности студентов в системе личностных конструктов.	108

Выводы	114
Заключение	115
Список литературы	118
Приложение А Образец заполненного бланка методики Автобиография.	138
Приложение Б Бланк теста Мадди.	139
Приложение В Опросник теста типы этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.Е. Рыжовой	140
Продолжение Приложения В	141
Приложение Г Бланк теста репертуарных решёток Келли	142
Приложение Д Таблицы корреляционного анализа по шкалам этнической идентичности	143
Продолжение Приложения Д	144

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что привычные способы организации личностного опыта часто утрачивают действительную инструментальность из-за быстрой изменчивости информационных систем. Поэтому сознание периодически обращается к внутреннему процессу моделирования «Я-концепции» личности. Этот процесс сводится к анализу потребностей и их места в системе ценностных ориентаций со стремлением наделить их смыслами.

Массовое сознание людей разных национальностей и религий в Казахстане занимает конфликтное маргинальное положение, в группу риска в сложившейся ситуации попадает молодёжь, находящаяся в стадии интеграции личностной идентичности. Изучение конструктивно-смысловой составляющей идентичности определено наличием противоречия между необходимостью формирования у студентов навыков гибкого конструирования личного опыта, и отсутствием работ, посвященных этой проблеме. Современное профессиональное высшее образование нуждается в такой подаче учебного материала, которая способствовала бы становлению идентичности личности учащихся через повышение мыслительной активности, увеличение вариативности когнитивных стилей. Идентичность имеет влияние не только на осуществление психического самоконтроля личности, но и на функционирование человека как целостной системы, наполняя её определёнными смыслами, что идёт в противовес с отчужденностью и бессмысленностью существования.

Многозначность понятия идентичность (лат. *identicus* – тождественный, (одинаковый) создаёт проблему в разделении между структурно-нормированными и расплывчатыми её определениями. Подобная ситуация порождает немалые трудности в понимании и определении этого явления, преодоление которых требует большой систематической работы. Возможность приобретения определённого статуса понятием идентичности может быть

реализована через рассмотрение смысловых аспектов этого феномена. Истоки взглядов на смысл как на существенный компонент идентичности исходят из определений основных стратегий самоидентичности и самопрезентации личности, предпринятых в исследованиях А.Г. Асмолова, Ф.Е. Василюка, Б.С. Братуся, Д.А., Леонтьева, В.Ф. Петренко, В.С. Мухиной, В. Франкла, М. Ватермана, Г. Брейкуэлла, М. Берзонского, Э.И. Мещеряковой и др. Смыслы как системообразующий компонент многоуровневой организации идентичности были рассмотрены в трудах А.В. Серого и Е. В. Григорьевой. Но в теоретических и эмпирических исследованиях недостаточно представлены компоненты идентичности личности – смыслы, которые проявляют себя на различных уровнях и отношениях. Релевантным понятию «смысл», по мнению Д.А. Леонтьева, является понятие «личностный конструкт». Конструкт термин, предложенный в психологии личности Джорджа Александра Келли представляет существующую смысловую реальность в разных формах, которая осуществляет регуляцию деятельности. Элементами, из которых организуются конструкты, могут быть разные предметы, свойства, связи, люди, отношения и др. Дж. Келли не выделял смыслы, как и мотивацию, в самостоятельную категорию, эти компоненты психики он рассматривал с позиций личностных конструктов, которые формируются на основе личных смыслов, а также смыслов, усвоенных в процессе социализации.

Цель исследования: Построить конструктно-смысловую модель идентичности личности (на примере русских и казахских студентов).

Объект исследования – система личностных конструктов идентичности личности.

Предмет исследования – смысловые аспекты идентичности личности студентов, опосредованные процессом создания системы личностных конструктов.

Гипотезы исследования.

1. Смысловые аспекты системы личностных конструктов являются компонентами идентичности личности, отражающими редуцирование сознания до понимания событийной структуры жизни и осуществляющими саморегуляцию как условие жизнестойкости личности.

2. Дефрагментация идентичности сопровождается осмысленным расширением и определением системы личностных конструктов, продуктивность которой определяется выбором способов конструирования и умением структурировать поступающую информацию.

3. Существует взаимосвязь между личностными конструктами, структурой жизненных событий и параметрами жизнестойкости личности, которая обуславливает процессы интеграции идентичности личности.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретические и эмпирические предпосылки изучения смысловых аспектов идентичности, сформулировать рабочие определения для использования их в исследовании.

2. Провести апробацию техники репертуарных решёток для определения элементов идентичности и выявить личностные конструкты студентов.

3. Определить степень интегрированности идентичности как показателя достигнутого статуса через анализ личностных конструктов с помощью автобиографического метода.

4. Выявить наличие/отсутствие взаимосвязи между способами образования личностных конструктов и жизнестойкостью личности студентов и построить конструктно-смысловую модель идентичности личности (на примере русских и казахских студентов).

5. Определить доминирующие темы личностных конструктов порождающие смысловую обусловленность идентичности.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблема идентичности анализируется такими российскими исследователями, как М.В. Заковоротная, Н.В. Антонова, А.В. Микляева, Е.П. Белинская, Н.Л. Иванова, И.С. Кон, В.С. Мухина, В.В. Нуркова, В.В. Столин, М.В. Шаткина, Л.Б. Шнейдер О.В. Лукьянов, Н.В. Писаренко и др. Рассмотрение психологической природы идентичности в глубинно-личностном и социальном аспектах представлено в работах зарубежных исследователей – Э. Эриксона, Т. Адорно, Г. Олпорта, Г. Тарда, З. Фрейда, Э. Фромма, К.Г. Юнга, Г. Тэшфел и др. Психологические аспекты самоидентификации личности рассматривают Д. Берри, Х. Маркус, Д. Марсиа, У. Сван, Д. Тернер, М. Хэйг и др. Особенности формирования социальной идентичности рассмотрены в трудах ученых Ж. Аттали, З. Баумана, У. Бека, А. Гидденса, Д. Келлнера, О. Тоффлера. Этническая идентичность рассматривается в работах А.В. Ачкасова, Р. Брубейкера, П. Ван дер Берге, Д. Горовица, Л.Н. Гумилева, Ф. Купера, Н.М. Лебедевой, З.В. Сикевич, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко, Д. Финни, К. Хейка.

Значительный вклад в изучение проблемы идентичности внесли исследователи, занимающиеся вопросами культурного своеобразия – Д. Де-Вос, М. Кле, К. Леви-Стросс, Д. Марсиа, Х. Ремшмидт, Г. Родригес-Томэ, А. Ватерман, Э. Фромм, Э. Эриксон. Эмпирические исследования многоуровневого функционирования идентичности проводились современными зарубежными исследователями М. Берзонским, Г. Адамсом, С. Маршалом, Т. Серафини. В то же время вопрос исследования смысловых составляющих идентичности остаётся на сегодняшний день недостаточно разработанным в связи с «ускользающим» характером феномена. Отсутствуют эмпирически операционализированные смысловые критерии идентичности, а существующие методики исследования идентичности основываются на самоописании респондентов и не раскрывают всей сути рассматриваемого явления. На основании вышеизложенного была

сформулирована тема исследования: **«Смысловая обусловленность идентичности личности (на примере русских и казахских студентов)».**

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Методологическими основаниями работы явились положения: об активности личности и самосознания в процессе самоопределения, изложенные в теории личностных конструктов Дж. Келли; об отношениях личности, обеспечивающих целостность и устойчивость, в теории личности В.Н. Мясищева; о многомерности человеческого бытия в трудах А. Н. Леонтьева и В. Е. Ключко; об образовании целостного персонального мифа как способа самопринятия личностью собственного бытия в теории психосоциального развития идентичности Э. Эриксона, А. Ватермана, Э.И. Мещеряковой; об этнической идентичности с позиций социального конструкционизма Т.Г. Стефаненко; о развитии личности и роли системы личностных смыслов А.В. Серого.

Методы и организация исследования.

Психодиагностический подход в исследовании обеспечивался методами: «Техника репертуарных решёток Келли» (ТРР), «Автобиографический метод» (вариант Кроника), Методика «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатов, С. Е Рыжова), «Тест жизнестойкости С. Мадди . (в адаптации Д.А. Леонтьева), .Тест «Кто Я?» – М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т.В. Румянцевой). Контент-анализ.

Методами статистического анализа были: 1) метод сравнения долей и частот; 2) метод центроидного кластерного анализа; 3) метод группирующего кластерного анализа (по Уорду); 4) метод анализа таблиц сопряженности по критерию Пирсона; 5) метод корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена; 6) дисперсионный анализ по Р-критерию Фишера; 7) ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса.

Всего было исследовано 516 человек. В пилотажном исследовании (2008-2009 гг.) участвовали 318 преподавателей школ и лицеев и старшеклассников. На основном этапе (2009-2013 гг.) было исследовано 198 студентов педагогического

института, из них 61 человек мужского пола, 137 человек женского пола. Средний возраст испытуемых – 20 ± 3 года.

Научная новизна. В работе разработан новый подход к изучению переживания идентичности через выявление смысловых аспектов личностных конструктов. Представлена модель идентичности, в которой вычленяются смысловые и временные аспекты измерения в совокупности с регулятивными функциями психики, определяющими жизнестойкость личности. Проведена апробация нового методического подхода исследования смысловых аспектов идентичности в системе личностных конструктов, через творческую разработку нового варианта репертуарного теста. Впервые в качестве элементов ролевого списка использовались различные объекты, представляющие, согласно А. Ватерману, сферы возможной идентификации современной молодёжи (национальности, профессии, религии, идейные течения, социальные роли).

Теоретическая значимость. Впервые проведено описание личностного смысла в терминах теории личностных конструктов по виду происхождения конструктов: упредительные (стереотипы, шаблоны), констелляторные (ситуационные), предполагающие (эвристические). Проартикулированы и уточнены термины «смысловые аспекты», «система личностных конструктов», «нарративное измерение» в контексте исследования личностной идентичности. Выявлены оценочно-сравнительные представления о самобытности личности в идентификационной матрице студентов через активизацию динамики процесса конструирования окружающей действительности. Определены предпочтительные представления «Я», выраженные в выборе элементов репертуарного списка и в личностных конструктах.

Практическая значимость. Материалы данного исследования использованы для создания психопрофилактических, психоконсультационных и учебных программ, направленных на построение комплементарных межнациональных отношений, основанных на формировании собственной

позитивной национальной идентичности и сохранении самобытности личности. Предложенный и апробированный в работе вариант техники репертуарного теста использован в психодиагностике смысловых аспектов идентичности личности. Материалы экспериментального исследования используются при создании лекционных курсов и семинарских занятий по дисциплинам «Психология личности», «Практикум специализации», «Этнопсихология», «Экспериментальная психология» для студентов очного и заочного отделения, а также при проведении курсов повышения квалификации для практикующих психологов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В контексте исследования идентичности личностные конструкты представляют смысловые значения категориальной идентификационной матрицы. Система личностных конструктов преобразовывается в сознании индивида в течение жизни.

2. Уровень осмысленности личного опыта задаёт логику и содержание автобиографических повествований. Выбор способов образования конструктов обуславливает способность/ неспособность личности к постижению смыслов и связан с характеристиками жизнестойкости личности.

3. Личностные конструкты, означающие стремление к духовной и культурной сферам, отражают наиболее устойчивые личностные смыслы.

4. Личностные конструкты, выражающие уникальность и самобытность человеческого поведения, наиболее приближены к выражению эго-идентичности личности и доминируют в представлениях об этносах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и Приложений. Работа иллюстрирована таблицами, рисунками, диаграммами.

Общий объем диссертации 134 страниц. Список литературы содержит 220 наименований.

Глава 1. Проблема исследования идентичности личности

Проводится основной обзор и анализ становления понятия идентичности в психологии. Обозначается методологическая проблема амбивалентности статуса идентичности. Приводится анализ понятия идентичности в рамках современных подходов в психологии с обращением к смысловой природе идентичности.

1.1 Обсуждение проблемы становления понятия идентичности в философии и психологии

Идентичность – это концепция, включающая все качества личностных сочетаний, обусловленная большим массивом биологических, психологических, социальных и культурных факторов. Сегодня понятие «идентичность» в различных контекстах широко используется в психологии, социологии, философии и политической науке.

Истолкования идентичности как феномена самобытности человека, становления личности, самосознания, восходят к философским воззрениям Аристотеля, И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, П. Флоренского, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, М. Шелера, А. Шопенгауэра, П. Рикера, М. Фуко, В. Библера, М. Бахтина, А. Лосева и других.

Идентификация «Я» рассматривалась такими исследователями как З. Фрейд, У. Джеймс, А. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, Д. Парфит, Ю. Хабермас, М. Бахтин, Э. Эриксон, В. Мухина, Л. Попова, В. Абраменкова. Психологические проблемы этнической и национальной идентичности активно исследовались и исследуются специалистами-психологами (Д. Форсайт, В. Бромлей, Ю. В. Вайденфельд, Г. Мейер, Р. Шпель, Г. Хансен, Х. Шульц, Х. Лутц, Й. Д. Гаугер, М. Л. Дробижева, Г. П. Шелепов, Н. М. Лебедева, Г. Солдатов и др.)

При обращении к предпосылкам становления рассматриваемого понятия, которое началось задолго до появления психологии личности как отрасли знания, мы наблюдаем поэтапное развитие и трансформацию понятия идентичности. Рассуждения Аристотеля о понятии «тождества» и, позднее, декартовская интерпретация субстанциональности *cogito*, отражается в философии тождества Шеллинга, который в своих описаниях «чистого идеального «Я» элиминирует из него любые субъективные акты [8, 46].

Доминанта тождества утверждается в классической философии, начиная с идеи Гегеля о становлении самого познающего субъекта, после - немецкая трансцендентально-критическая философия начинает понимать активность духа как предписанную, онтологически обусловленную сущность идентичности.

Как психологическая категория, впервые идентичность описывалась У. Джеймсом. Он выделил четыре формы Я: материальное Я, социальное Я, духовное Я, и чистое Я, или чувство идентичности. У.Джеймс отмечал, что личность человека во многих отношениях не является тождественной. Наравне с этим он выделял стабильные и существенные составляющие, например: имя, профессия, отношения к окружающим, способности и т. п. У.Джеймс отмечает, что термин «тождество личности» не следует понимать в смысле абсолютного, метафизического единства, в котором стираются все различия, так как личность в ее настоящем и прошедшем лишь постольку тождественна, поскольку в ней действительно есть тождественность [31].

Предпосылкой формирования современной концепции идентичности послужили идеи представителя символического интеракционизма, известного американского социолога Ч. Кули. Он предположил, что Я состоит из Я-чувств, которые оформляются через отношение с «Другими». Эта теория известна как «теория зеркального Я» [47].

Идеи Кули развил Дж. Мид. Он разработал концепцию, развивающую теорию зеркального Я, в которой объясняется сущность восприятия индивидом других личностей. Дж. Мид пишет об особенности сознания создавать образ

«обобщенного другого», который представляет собой комплект ценностей и стандартов и является носителем поведения группы, которая влияет на формирование индивидуального Я-образа. Проблема соотношения социальной детерминации идентичности и свободы личности рассматривается с точки зрения существования осознаваемой и неосознаваемой идентичности. Неосознаваемая идентичность базируется на конструктах, которые существуют в сознании неосознанно. Осознаваемая же идентичность возникает тогда, когда человек начинает размышлять о себе, о своем поведении [69, 197].

В неклассической философии этот посыл в трактовке идентичности наиболее последовательно реализовался М. Хайдеггером, который понимал идентичность как всеобщность бытия [114]. При этом идентичность в традиции классической философии отождествлялась с самостью, но аспект самотождественности дополнялся аспектом соотнесенности с другим. Типологически близок к такому роду пониманию идентичности был и Э. Гуссерль. С его точки зрения, возможно думать, что воспринятые вещи не существуют, хотя переживание восприятия сохраняется, а также возможно сознание, в котором нет отраженного согласованного опыта окружающего мира. Для последовавшей дальнейшей разработки проблематики идентичности гораздо важнее оказался круг идей Э. Гуссерля, связанный с понятиями «жизненного мира» и «естественной установки» сознания [27].

Понимание идентичности Ю. Хабермас трактует через осознание и осмысление своеобразия единичного, по его мнению: «каждая самопрезентирующаяся субъективность сосредоточена на самой себе, и представляет мир как целое своим собственным уникальным способом». По Ю. Хабермасу, Я-идентичность образуется из совокупности личностной и социальной идентичностей [113,166,167].

Дальнейшее становление понятия связано с анализом взаимосотнесения «Я» и «не-Я» с работами С. Кьеркегора (идеи выбора собственной истории жизни, ответственности внутреннего выбора, делания себя тем, кто ты есть), во

многом предопределившими экзистенциалистскую центрацию проблематики идентичности. О конституировании идентичности в пространстве социума и культуры, о связанности с психическим в дальнейшем писал М.М.Бахтин в диалогистической философии. Он сформулировал ключевую для дискурсов последнюю идею вне находимости человека, согласно которой подлинное «Я» всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с «Другим».

Герменевты по-новому выделяют интеллект, акцентируя внимание на способности человеческого мышления к порождению бесконечного множества суждений, выражающих отдельные факты разнообразного опыта. В философии П. Рикера идентичность выступает как «нарративная идентичность». Нарратив, как подлинная история, подлежит чтению, которое постоянно исправляет предшествующую подлинную историю [90, 91].

Дискурсы идентичности выступили мощным средством преодоления наследия классической и неклассической философии, а идентификация стала трактоваться как означивание и самообозначение индивидуальности, конституирующей человека как «Я» в его отличности от «тела» и «личности», и это сняло ограничение выбора из многообразия (множественности) возможного. В итоге, понятие «идентичность» стало разрушать традиционное представление о «тождественном».

Импульс к универсализации проблематики идентичности, ее выходу за границы философской дисциплины дал Э. Эриксон «...исследование идентичности в наше время становится такой же стратегической задачей, какой во времена Фрейда было изучение сексуальности» [125]. Э. Эриксон начал рассматривать идентичность на психоаналитических основаниях, представляя как особый культурный феномен.

Теоретическим предшественником эриксоновской концепции идентичности, наряду с У. Джеймсом являлся К. Ясперс, идеи которого отражают размышления о взаимоотношениях «Я» и «Ты», зародившихся в ту

пору в экзистенциально-ориентированных философско-антропологических исследованиях [128]. З.Фрейд использует понятие идентичности в клинической практике, работая с проблемами восприятия у клиентов. Позже понятие идентичности упоминается им в этническом смысле: «Сознание внутренней идентичности включает чувство горькой гордости, сохранённое моим гонимым, рассеянным и часто презираемым народом» [80].

Таким образом, идентичность начинает рассматриваться как некая структура, состоящая из определенных элементов, переживаемая субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности, вследствие чего это тождество и непрерывность признаётся другими людьми. В психологии такая трактовка идентичности до сих пор является наиболее распространенной, имея статус общей для наук гуманитарного цикла. Известный психоаналитик К.Г. Юнг значительно углубляет представления об идентичности, выделяя аспекты индивидуализации человека. Основополагающий феномен исторического процесса, который ведет к становлению индивидуальности, он называет «индивидуацией», которая заключается в отделении существа «собственной самости». К.Г. Юнг рассматривает «ману-личность», с которой человеческий индивид стремится отождествиться. Истоки данного вида идентификации он усматривает в заложенных, по его мнению, в каждом человеке архетипах сознания [127].

Э.Эриксон в своих работах не прибегал к эмпирическим исследованиям, ограничиваясь теоретическим анализом проблемы идентичности. Когда же его последователи попытались обосновать концепцию эмпирически, стало ясно, что приведенные определения идентичности метафоричны, это не позволяло выделить переменные эмпирического исследования. Появились попытки дать более строгое и операциональное определение идентичности.

Идея о наличии двух аспектов идентичности – ориентированного на социальное окружение и на уникальность проявлений человека, воплотилась в теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тёрнера. Как отмечает Г.

Тэджфел, потребность в дифференциации при определении отношения к «своей» и «чужой» группе сказывается на результатах социальной категоризации и идентичности. Личностная и социальная идентичности противопоставляются друг другу как различные уровни когнитивной категоризации человека.

Г. Брейкуэлл идёт дальше и по иному решает проблему соотношения личностной и социальной идентичности. С точки зрения реальной динамики, личностная и социальная идентичности – не различные части или аспекты единой идентичности, а разные точки в процессе развития последней [144, 145]. Идеи о том, что социальная и личностная идентичности не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими элементами идентичности человека, характерны и для сторонников теории социальных представлений. Так, С. Московичи и У. Дойс подвергают критике видение идентичности только как набора уникальных характеристик и сведение индивидуального исключительно к различиям [80].

Исследователи М. Эйнсворт, Дж. Боулби, М. Малер, Р. Шафер, У. Мейснер рассматривали идентификацию как уровень интернализации, находящийся в контексте объектных отношений, допускающий возможность идентификации с другими лицами, помимо родителей. Следовательно, данные авторы ставили во главу угла интернальный, сугубо внутренний способ идентификации личности.

Р.Лейнг делает акцент на комплементарности отношений субъекта и Другого как на факторе, определяющем основную, с его точки зрения, функциональную особенность идентичности. Р.Лейнг говорит о том, что все идентичности требуют «значимого другого», который может способствовать формированию как позитивной, так и негативной идентичности [58].

Л. Краппман систематизировал идеи Дж. Мида об осознаваемой идентичности. Он назвал ряд способностей, необходимых человеку для сохранения своей идентичности в ситуации взаимодействия. Постоянно поступающая в процессе взаимодействия новая информация должна перерабатываться индивидом так, чтобы привести ее в соответствие с прежним

накопленным опытом. Успех поддержания идентичности зависит от наличия у человека следующих способностей: к ролевому дистанцированию; к переживанию эмпатии; толерантности к противоречиям; успешной презентации своей идентичности [180]. Теорию идентичности в рамках американского варианта психоанализа развивает А. Ватерман. Формирование идентичности неотделимо от взаимодействия с ценностной идентичностью и убеждениями, на которые индивид претендует. Исследователь выделил четыре, наиболее значимые, сферы для формирования идентичности: выбор профессии, принятие и переоценка моральных и религиозных убеждений, выбор политических взглядов, принятие набора социальных ролей. В практической части мы более подробно остановимся на его концепции, которая стала одной из доминирующих методологических основ данного исследования [219, 220].

Таким образом, одним из ключевых вопросов, на который пытаются ответить исследователи, стал вопрос о том, какой вид идентичности является первичным по отношению к другому.

В советской психологии идентификация оценивалась как положительный ход развития личности. Такие авторы, как Н. И. Алексеева, А. В. Буров, Т. П. Гаврилова, Е. М. Дубовская, Т. И. Комисаренко, Р. Л. Кричевский, Т. А. Моджарова, В. А. Рахматшева, А. П. выделяли в исследуемом процессе социально значимые черты: активность, нравственность, самостоятельность [34].

Идея представления сущности человеческого «Я» рассматривается в работах И. С. Кона. Сложность и полифункциональность «человеческого» он определяет следующим образом: «Человеческая психика должна постоянно перерабатывать и координировать огромное количество информации. Чем разнороднее внутреннее и внешнее, чем разнообразней такая информация, тем острее будет его индивидуальное самоощущение, и тем сложнее и дифференцированнее свойственный ему образ Я» [43]. В начале XI века проблема поиска персональной и надындивидуальной идентичности вновь

начинает возвращаться из сферы социальной психологии в область философского осмысления.

Преодоление перманентности состояния, возникшего в рассмотрении природы идентичности, В.Е. Ключко и О.В. Лукьянов видят в избавлении от привычного бинарного мышления. Проведённый авторами транспективный анализ развития научной психологии позволил обозначить базовую тенденцию к процессуальному пониманию идентичности [41, 56, 57]. Точка зрения о том, что социальная и личностная идентичности являются дополняющими, а не противоречащими друг другу компонентами, является наиболее перспективной для исследования идентичности личности современного человека.

1.2 Эмпирические модели идентичности в психологии

Развитие представлений о структурно-функциональных и временных характеристиках идентичности личности было продолжено и обогащено эмпирическими современными исследованиями. Судя по характеру подходов экспериментальных исследований, предшественниками и вдохновителями первых эмпирических исследований идентичности явилась теория эпигенетического развития личности Э.Эриксона, подходы, развитые в теории символического интеракционизма Ч. Кули, Дж. Мид и методологические позиции У. Джеймса рассматривающие личность как многомерную структуру.

Первые экспериментальные исследования содержательных и структурных компонентов идентичности провели когнитивно ориентированные психологи Х. Тэджфел, Дж. Тэрнер, Г. Брейкуэлл [144, 145, 210, 211, 212, 217].

Так, Г. Брейкуэлл выделяет следующие структурные компоненты идентичности:

1. Биологический организм. Представляет биологически обусловленную «сердцевину» идентичности, однако, со временем становится всё менее значимой её частью.

2. Содержательное измерение. Включает все характеристики, которыми индивид пользуется, чтобы описать себя, и которые описывают его как уникальную личность.

3. Ценностное измерение. Каждый элемент содержательного измерения имеет свою оценку, позитивную или негативную, которая приписывается индивидом, исходя из социальных норм и ценностей.

4. Время. Развитие идентичности протекает в плане субъективного времени. Биографическое же время определяется содержательным и ценностным параметрами измерения идентичности, влияя, в свою очередь, на их структурную организацию [145].

Долгое время одним из наиболее практикуемых методов исследования идентичности был «Тест двадцати высказываний», разработанный М. Куном и Т. Макпартлэндом «Кто Я?», ставший классическим [48]. Данный тест исходит из представлений об идентичности, как о наборе установок личности на себя. Авторы данной методики предположили, что идентичность можно исследовать непосредственно, задавая прямые вопросы об установках на себя: Кто ты? Кто Я? Однако недостатком данного метода является прямая фокусировка сознания респондентов на определение себя в ролевых предпочтениях и ожиданиях, формулировании своего социального статуса и тех черт, которые, по его мнению, с этим связываются.

Дж. Марсиа – известный экспериментальный исследователь идентичности провёл исследование психологического развития подростков в течение продолжительного времени жизни. В отличие от Э. Эриксона, который рассматривал нормативный конфликт в подростковом возрасте как оппозицию между личными достижениями и идентификационной путаницей, Дж. Марсиа предлагал сосредоточить исследовательское внимание не на конфликте, а на выборе конструкторов своей идентичности и умении перерабатывать информацию: «двумя решающими областями, в которых подросток должен сделать такие обязательства, являются идеология и род занятий» [191, 192]. В его статусной

модели он использовал два главных параметра: первый – наличие или отсутствие кризиса, наличие состояние поиска идентичности; второй – наличие или отсутствие элементов идентичности (личностно значимых целей, ценностей, убеждений).

В статусной модели Дж. Марсиа выделяются 4 состояния (статуса) идентичности: преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая [191].

1. Преждевременная идентичность. Этот статус приписывается человеку, который никогда не переживал состояния кризиса идентичности, но, тем не менее, обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений.

2. Достигнутая идентичность. Этим статусом обладает человек, прошедший период кризиса и самоисследований и сформировавший определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений. К своим целям, ценностям и убеждениям такой человек относится как к личностно значимым, обеспечивающим ему чувство направленности и *осмысленности* жизни.

3. Мораторий. Этот термин Дж. Марсиа использует по отношению к человеку, находящемуся в состоянии кризиса идентичности и активно пытающемуся разрешить его, пробуя различные социальные роли.

4. Диффузная идентичность. Такое состояние идентичности характерно для людей, которые не имеют конкретных, устоявшихся целей, ценностей и убеждений и которые не пытаются их активно сформировать. Они никогда не находились в состоянии кризиса идентичности

Представлениям И. Гоффмана близка модель «борьбы идентичностей» Р. Фогельсона [161,162].

Для анализа взаимодействия И. Гоффман вводит различие между актуальной и виртуальной социальной идентичностью. Актуальная социальная идентичность – интегрирование основы личности на атрибутах, которые легко доказуемы, очевидны. Виртуальная социальная идентичность – типизация личности на основе предполагаемых атрибутов. Влияние человека на

информацию о себе И. Гоффман называет «политикой идентичности» [24, 161, 162].

По Ю. Хамбермасу, Я-идентичность образуется из совокупности личностной и социальной идентичностей. Он понимает личностную и социальную идентичность как два измерения, в которых реализуется динамическая, находящаяся в балансирующем состоянии, Я-идентичность (концепция баланса идентичности). Вертикальное измерение личностной идентичности обеспечивает связность истории жизни человека. Горизонтальное измерение – социальная идентичность – обеспечивает возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. Я-идентичность возникает в балансе между личностной и социальной идентичностью. Установление и поддержание этого баланса происходит с помощью техник взаимодействия, среди которых исключительное значение отводится языку [113].

А. Ватерман, расширяя представления об идентичности, предлагает рассматривать процессуальную и содержательную стороны, рассматривая средства, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые впоследствии, путём выбора, станут элементами его идентичности [219, 220].

Для эмпирического изучения личностной и социальной идентичности М.Яромовиц был разработан специальный «Опросник социальной перцепции» («Questionnaire of Social perception») и особая процедура обработки и трактовки результатов [175]. М. Яромовиц трактует соотношение личностной и социальной идентичностей как взаимоисключающих понятий. В русле когнитивной психологии она рассматривает личностную идентичность как совокупность знаний о себе, делающих человека подобным самому себе и отличным от других.

В современном информационном мире возможно выделение нового типа идентичности – виртуальной идентичности. Л. М. Путиловой поясняются

особенности виртуальной реальности в самоидентификации личности, в которой игра сопрягается с фундаментальными критериями жизнедеятельности – временем и пространством, имитация которых осуществляется технологическими и ментально-феноменальными методами [88].

С конца 1980-х годов ряд ученых начинают по-новому дополнять концепцию Э. Эриксона и Дж. Марсиа, делая попытку концептуализации формирования личности на основе эмпирических исследований.

В этот период были представлены следующие модели идентичности: модель стилей идентичности, которая относится к социально-когнитивной стратегии M.D. Berzonsky (1989, 2004, 2011), модель трёхфакторной идентичности, которая фокусируется на обязательствах, осмысленности и пересмотре обязательств W. Meeus, H.A. Bosma, K. Luuyckx (1999, 2001, 2006), модель тождественных функций, которая фокусируется на структуре и целостности идентичности S. Marshall (1996), T.E. Serafini, G. R Adams (2002).

1. Модель стилей идентичности американского исследователя М. Берзонского (1989) постулируется на том, что люди используют разные социально-когнитивные стратегии для обработки воспринимаемого окружения, чтобы осуществить или не осуществить идентификацию. Всего определилось три стиля: информационный, нормативный и диффузно-избегающий. В результате был разработан опросник диагностирующий стили идентичности, который содержал соответствующие каждому стилю шкалу и дополнительно шкалу приверженности, измеряющую степень приверженности личности к своим воззрениям. Стилль идентичности показывает, в какой мере человек принимающий решение опирается на собственные усилия и поиск информации или на принятые обществом традиции и нормы, или же склонен к прокрастинации и избеганию [137,138,139].

М. Берзонский сделал выводы о подростках, использующих информационную ориентацию, как о саморефлексивных, активно ищущих и оценивающих самостоятельно соответствующую информацию. Те, у кого

оказалась нормативная ориентация, более склонны автоматически принимать решения, предписания и значения от значимых других, и соответствовать ожиданиям. У молодых людей с диффузно-избегающей ориентацией формирование идентичности проходит медленно, с задержкой.

В течение последних двух десятилетий, большое количество исследований отношений между стилями широко и последовательно представлены в литературе. Несколько исследований показали, что информационный стиль положительно связан с достижением личных данных в стадии моратория, что нормативный стиль тесно связан с приспособлением, а диффузный (избегающий стиль) – положительно связан с рассогласованием идентичности.

2. Модель трёхфакторной идентичности. С середины 1980-х годов, европейские ученые W.Meeus, J. Iedema, M. Helsen, W. Vollebergh, (1999), H.A. Bosma (2001), K.Luysckx (2006) определили несколько форм идентификации, позволяющих различить более тонкие нюансы в рассмотрении развития личности. Проведённые, в рамках этой линии, исследования, опирались на предыдущие работы. В итоге, они предложили свою модель, которая охватывает три измерения идентичности: выбор обязательств, осмысление и пересмотр обязательств. В частности, под обязательствами понимаются жизненные выборы, осуществленные на основании уверенности в их жизнеутверждающей способности в перспективе. Осмысление, обеспечивает текущей информацией, т.е. в какой степени сделанные выборы на настоящий момент для личности пригодны, и в случае чего можно осуществить поиск для получения дополнительной информации. Пересмотр обязательств относится к возможности отказа от своих текущих обязательств, когда они больше не удовлетворяют потребности личности [193].

3. Модель тождественных функций. G. R Adams, S. Marshall (1996), выделили функциональные характеристики идентичности и опираясь на эриксоновское понимание личности как функции саморегуляции, предложили модель пяти функций идентичности [130].

Во-первых, идентичность представляет возможным выстраивать людям структуры, которые обеспечивают самостоятельное понимание поступающей информации.

Во-вторых, идентичность формирует чувство согласованности, целостности и гармонии внутри выбранных ценностей, убеждений и обязательств личности.

В-третьих, идентичность дает людям ориентацию в будущем и чувство преемственности между прошлым, настоящим и будущим.

В-четвертых, личность задает поставленным ею целям направленность, через принятие обязательств и ценностей.

Наконец, личность обеспечивается чувством личного контроля, свободной воли, что является необходимым условием активной саморегуляции в процессе постановки и достижения целей, реализации планов и переработке эмпирического опыта.

Эти функции идентичности участвуют в развитии зрелой личности, таким образом, создавая предпосылку «оптимальной идентичности». Модель тождественных функций отличается от модели стилей идентичности М. Берзонского или статусной модели Дж. Марсиа, потому что внимание исключительно направлено на создание здорового чувства самоидентификации и обеспечение индивидуума интегративной идентичностью.

Гендерные различия в идентичности занимают заметное место в проблематике современных исследований. По мнению исследователей И.О. Кон (1984), Н. Lewis(2003), S. J. Schwartz (2008) пол может иметь важное значение в формировании личности, тем не менее, гендерные различия, которые последовательно обнаруживаются в некоторых особенностях психики, не всегда явно обнаруживаются в развитии и формировании идентичности.

В частности, в отношении стилей идентичности личности, проведенный недавно мета-анализ L.A.Bosch (2012) не обнаружил существенных гендерных различий в принятии того или иного стиля идентичности. Для информационного

стиля идентичности гендерные различия не обнаружились, для нормативного стиля идентичности ($\gamma = 0,04$), здесь женщины показали преобладание, и небольшая разница в диффузном избегающем стиле идентичности ($\gamma = 0,16$), где мужчины оказались в большинстве, в сравнении с женщинами.

Анализ данных в гендерных различиях свидетельствует о неоднородности данных в различных исследованиях. Так девочки оказались в большинстве в принятии информационного стиля в выборке, состоящей из учащихся средней школы, но не в выборке, состоящей из учащихся колледжа. Эти данные свидетельствуют о том, что женщины могут раньше, чем мужчины (то есть, в среднем подростковом возрасте), начать отбирать объекты идентификации, проявляя больше самостоятельности, но в конце подросткового возраста, при переходе во взрослую жизнь, мужчины могут догнать их.

Основными аспектами возрастных различий идентичности, обнаруженных эмпирическим путём, являются следующие. Аналогично гендерным различиям, возрастные особенности были обнаружены более очевидно для некоторых процессуальных характеристик идентичности. Хотя величины различий весьма скромны, все же существуют доказательства изменения развития в стиле идентичности. Обнаружено, что с возрастом увеличиваются осмысленные оценки и происходит снижение пересмотра выбранных обязательств. Средние уровни приверженности оставались стабильными в течение долгого времени, и стабильность порядка приверженности, углубленного осмысления и пересмотра обязательств не меняются с возрастом.

Исследования при смене статуса личности в подростковом возрасте и в юности были аналитически рассмотрены J. E. Marcia (1966). Авторы установили, что у 49 % людей статус остался в том же состоянии, что и через интервал в три года. Среди лиц, перешедших от одного состояния к другому, состояния прогрессии (например, от диффузии к мораторию, от моратория к достигнутому) были больше распространены, чем состояния регрессии (например, случаев

перехода к диффузии). На самом деле, личностная прогрессия обнаружилось у 36% лиц, по сравнению с 15% молодых людей, которые показали регрессии.

Эти результаты могут толковаться в широком социальном аспекте. По мнению J. J. Arnett (2000), в переходном возрасте типичные молодые люди из западных стран, осуществляют длительный переход в формировании зрелой личности. В частности, эта задержка может оказываться под влиянием взрослых, которые поощряют молодых людей отложить принятия обязательств, идентифицирующих зрелую личность.

Представленные модели идентичности основываются на параметрах наличия или отсутствия кризиса идентичности, наличия решений, принятых относительно себя и своей жизни и открытости новому опыту. Практическая направленность рассмотренных эмпирических моделей реализуется в разрешении проблем социализации личности, без трактовки онтологического статуса идентичности, который определяется через рассмотрение смысловых аспектов. Необходимо разработать обобщенную эмпирическую модель базовых составляющих модели идентичности, через рассмотрение критериев смысловых аспектов.

Творческая разработка идей Э. Эриксона, А. Ватермана, Дж. Мида и их последователей определила возможности и основания: во-первых, для определения компонентов количественного и качественного анализа; во-вторых, для обоснованного подбора методов экспериментального исследования смысловых аспектов идентичности.

1.3 Амбивалентность статуса идентичности как методологическая проблема

О проблеме устойчивости и неустойчивости личности В. Н. Мясищев писал: «Когда мы говорим, человек способный, то мы имеем в виду не

успешность, которой может и не быть, а такое сочетание свойств, которое позволяет рассчитывать на продуктивность человека в том или ином отношении. Когда мы говорим, что данный человек решителен, честен или безынициативен, то, не исключая возможности перемены с изменением условий свойств человека в смысле появления нерешительности, нечестности или инициативности, на известный период приписываем данному человеку устойчивость (при прочих равных условиях) указанных качеств». Там же он пишет об изменчивости личностных черт: «Вопросы развития и изменчивости объединяют друг с другом два существенных плана рассмотрения личности – процессуальный и потенциальный. Развитие человека заключается в том, что в процессе жизни он изменяется, оставаясь, тем не менее, и в измененном виде самим собой» [72].

Двойственность идентичности в понимании Э. Эриксона выражается в одновременном присутствии статичных и динамичных процессов в одном явлении, с одной стороны «...личность достигает в своем развитии кульминации и обретает некоторую целостность и законченность в пубертатный период», с другой – «мы можем видеть идентичность как постоянно меняющуюся до самого конца жизни, никогда не остающуюся неизменной...» [153,154,155].

Классические психоаналитические, экзистенциальные аналоги, с которыми соотносят идентичность – самоутверждение и установление связей с людьми и миром (Э. Фромм) осмысленность жизни (В. Франкл). Коннотациями обсуждаемого понятия становятся экзистенциальная тревога (Р. Мэй) и «мужество быть» (П. Тиллих), позже операционализированное С. Мадди в конструкте жизнестойкости.

С момента появления эпигенетической теории Э.Эриксона по сегодняшний день в социально-гуманитарной науке утвердилось многообразное количество направлений исследования идентичности [15, 26, 33, 56, 100, 107, 113, 118, 121, 125, 137, 158, 180].

Термин «идентичность» соотносим с более распространенными в русскоязычном варианте терминами «самосознание», «Я-концепция»,

«самоопределение», вплоть до совпадения по смыслу с самоопределением. Часто эти термины используются как синонимы. Так, Р.Бернс пишет: «Термин «идентичность» мы будем рассматривать как в основном синонимичный Я-концепции». Н.Л. Иванова проводя анализ проблемы типологических особенностей личности, определяет идентичность как результат самоопределения, подобные определения являются причиной неоднозначного объяснения понятия идентичность, поскольку этому явлению приписывается промежуточный характер, тогда как одним из условий существования идентичности является сохранение тождественности и статусности. [34].

Дж. М. Макензи, Р. Коулз в середине 1970-х гг. характеризовали идентичность как слово, пострадавшее от «чрезмерного использования», отметив, что понятия идентичности и кризиса идентичности стали «прозрачайшими клише». Такая неустойчивость трактовки приводит к постоянному уточнению понимания концепции идентичности, которая начинает означать слишком много или мало, это обстоятельство, в конечном счете, приводит к обесмысливанию термина.

Социолог О.А.Борисова провела анализ категории «идентичность» в рамках структурно-конструктивистского подхода, на основании которого описывает эту проблему следующим образом: «Несмотря на ее амбивалентность и многозначность, анализ понятия ориентирован на использование сравнительно однозначных категорий. Основная проблема заключается в растаскивании категории «идентичность» между «сильными», структурно занормированными определениями и «слабыми» - конструктивистскими» [15].

Всё же попробуем обратиться к рассмотрению идентичности как категории анализа. Определяющим в плане возможности изучения идентичности всегда является существование «Другого». В противном случае, мы имеем дело с неразличенностью и невозможностью выделить собственную позицию. Только проведение границы между «Я» и «Другой» позволяет выделить их из общей неразличенности. Двойственность, как характеристика идентичности, приводит

к разнонаправленным тенденциям. С одной стороны, идентичность статична, она возникает в результате сравнения с таким же, тем самым исключая различия, в противном случае происходит утрата смысла.

О необходимости сравнения для жизненного опыта Ж. П. Сартр пишет: «Другой, как синтетическое единство своих опытов, как воля, более того, как страсть, стремится организовать мой опыт. Речь идет не о простом действии непознаваемого ноумена на мою чувственность, но о конституировании в поле моего опыта посредством бытия, которым я не являюсь, связанных групп феноменов» [97].

М. Хайдеггер, как и Аристотель, понимает под «идентичностью» всеобщность бытия. Всякое сущее тождественно самому себе, и постольку, поскольку оно есть сущее – всякому другому сущему. Идентичность исключает различие, ведь она исключает иное бытие, а вместе с ним и то, что выступает причиной инаковости – изменение.

А.Н. Кричевец обосновывает вывод о том, что открытые друг другу сознания не обязательно находятся в симметричных отношениях, обретаемая в онтогенезе субъектность надстраивается над непосредственными отношениями зрелого сознания и зарождающегося сознания: «Я говорю себе: *cogitoergosum*. Но, уже в следующее мгновение «в мою голову» приходят какие-то другие мысли. Кто или что является их источником? Возможно, в результате тренировки я смогу удерживать себя в одной постоянной мысли *cogitoergosum* так долго, как пожелаю. (Вопрос о том, что во мне служит источником смены моих мыслей даже в условиях моего суверенитета, я оставлю пока в стороне). Это можно было бы назвать пустой формой суверенной субъективности. Пустой, поскольку никакая другая, более богатая по содержанию мысль из этой мысли не следует. Но вот передо мной лежит декартовский текст, и я читаю текст дальше, позволяя своим мыслям следовать за словами автора. Этим я уже теряю суверенитет, поскольку ход моей мысли теперь находится под воздействием чужой мысли. Можно возразить: само восприятие внешних тел также есть

некоторое пассивное допущение в мое сознание того, что ему не принадлежит. Но Декарт воздействует на меня целенаправленно. Он хочет вызвать у меня последовательность мыслей достаточно определенного содержания. И, если я понимаю текст, то я не являюсь его интерпретатором. В идеальном предельном случае понимание прямо оказывается изменением моих мыслей под целенаправленным воздействием «Другого»» [45].

Исследовательский процесс сводится к вопрошанию, через которое, согласно Лакану, становится возможным рефлексивное конструирование. Рефлексия предполагает актуализацию и соответственно, выстраивание идентичности. Попытки дальнейшего изучения идентичности в рамках теорий постмодернистов привели к предельной дробности этого понятия, что в очередной раз приводит к обесмысливанию понятия «идентичность».

Р. Лейнг осуществляет собственное развитие идеи идентичности и делает акцент на комплементарности отношений субъекта и Другого как на факторе, определяющем основную, с его точки зрения, функциональную особенность идентичности. Р. Лейнг говорит о том, что все идентичности требуют «значимого другого». С помощью некоторого «Другого» и через отношения с ним и реализуется идентичность личности. Комплементарность – взаимозависимость идентичности – это функция персональных отношений, посредством чего «Другой» наполняет или комплектует идентичность, он вводит действие, а индивид, находящийся в стадии формирования и идентификации следует за этим действием [58].

Поскольку идентичность характеризуется непрерывной динамикой, ее трудно «схватить» в каком-то реальном статичном состоянии, она «ускользает» от исследователя. Об ускользающем характере идентичности свидетельствуют названия публикаций – Р. Брубейкер, Ф. Купер «За пределами «идентичности», А.В. Казанская «Текущая идентичность». Определенную трудность представляет также многомерность рассматриваемого явления: «...в каждый конкретный момент каждый из нас представляет собой комбинацию серий

идентификационных компонентов и эти компоненты могут сочетаться, а их комбинации, в свою очередь, меняться различными способами».

В свою очередь, С. Л. Рубинштейн формулирует идеи, ставшие принципиальными для советской психологии и философии. Личностное самоопределение (идентификация) не может быть монологическим делом. Проблема самоопределения, по Рубинштейну, изначально представляет соотнесенность с другими субъектами. «Специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения «Другими»» [92, 93].

Главным критерием самоопределения он считал активность жизненной позиции как результат взаимодействия объективного процесса общения с «Другими» и субъективного внутреннего процесса самоопределения. Самоопределение и определение «Другими» – взаимные детерминанты. В своей трактовке Рубинштейн подчеркивает, что нельзя редуцировать сущность человека, сводить ее к технологическим проявлениям.

Структура идентичности развивается на протяжении всей жизни человека в соответствии с изменениями социального контекста, начиная с рождения человека, в процессе взаимодействия биологического организма с социальным контекстом. Содержательные и ценностные измерения расширяются в течение жизни. Однако это расширение не обязательно сопровождается усложнением и разработанностью структурной организации идентичности. Можно было бы сказать, что люди с несложной структурой идентичности имеют незрелую идентичность, однако Г. Брейкуэлл считает, что для этого нет оснований, так как нет оснований принимать идентичность со сложной структурой как «лучшую». И содержательное, и оценочное измерения идентичности развиваются в соответствии с особенностями социального опыта индивида. Если разнообразие опыта ограничено, может сформироваться простая структура идентичности. Но даже при полном прекращении изменений во внешнем мире (если такое

возможно) изменения в структуре идентичности не прекращаются, обеспечиваясь взаимодействием между ее элементами.

Проблема соотношения тождества, постоянства, и в то же время непрерывного изменения, динамики, которая заложена в понимании идентичности, предложенном Э. Эриксоном, придает категории «идентичность» определенную семантическую двойственность, отмечаемую многими исследователями. В частности, П. Рикер находит истоки подобной двойственности в этимологии данного понятия. Считается, что корень слова «идентичность» складывается из двух латинских корней: «*iten*» («в высшей степени сходный», «тот же самый», «аналогичный») и «*ipse*» («самость») [91]. Получается, что в термине «идентичность» происходит наложение друг на друга двух смыслов: устойчивость – изменчивость во времени и тождественность самому себе – инаковость.

Рассмотрение идентичности как диалектического процесса не объясняет природы этого феномена, а лежащие в основе идентичности свойства тождественности, уникальности и самобытности предрешают антагонистический смысл этого явления, но не отвечают принципам диалектичности.

В работах Дж. Тернера личностная и социальная идентичности противопоставляются друг другу как различные уровни когнитивной категоризации человека. Аналогичная тенденция прослеживается и в современных когнитивно-ориентированных исследованиях социальной идентичности. Так, М. Яромовиц (1998) рассматривает личностную идентичность как субсистему знаний о себе, которые формируются из сравнений себя с членами ингруппы и состоят из набора черт, специфичных для Я. Социальная идентичность же рассматривается автором также в качестве набора черт, но, в данном случае, выявляющихся в ходе социального сравнения ингруппы и аутгруппы.

Ю. Хабермас представил идентичность в двух измерениях: горизонтальном и вертикальном. Если горизонтальное измерение связано с

формированием человека в социальных группах, вертикальное – определяет личностную уникальность и неповторимость жизненного опыта. При этом вертикаль личностного становления связана с означиванием потребностей в самопонимании, в контексте которого формируется смысловое ядро индивида как онтологическое основание его личностной идентичности.

В подобном ракурсе социальную идентичность человека можно рассматривать как его жизненный мир. Ю. Хабермас определяет его как универсальный фон нашего присутствия в мире, который имплицитно присутствует в повседневных делах и заботах, являя их привычную осмысленность, и очерчивает границы этой осмысленности [113, 166,167].

Однако на современном этапе развития психологии идентичности происходит переосмысление соотношения личностной и социальной идентичности.

А.Ватерман обращает внимание на наличие взаимосвязи идентичности с самоопределением, включающее в себя выбор целей, ценностей и убеждений, и придерживается концепции Э.Эриксона, определяя психологический возрастной кризис как условие формирования идентичности. Цели, ценности и убеждения А.Ватерман называет элементами идентичности. Они формируются в результате выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса идентичности и являются основанием для определения жизненного направления [219, 220].

Осмысление окружающего мира как важный итог развития личности, представляет В.Е. Ключко в своей концепции системного изучения человека. При этом смыслы понимаются В. Е. Ключко как особые качества предметов, намечающие границы многомерной системы «человек». Именно они определяют поле сознания и делают мир реальным [39,40,41].

Затруднения анализа структурных компонентов идентичности приводит, иной раз, к резкому отрицанию концепции Э. Эриксона. Так, Н.С. Бурлакова, В.И. Олешкевич в своей «антиэриксоновской» монографии пишут: «Анализ

манеры написания текстов Э. Эриксона, как не раз обращалось внимание читателя, убедительно демонстрирует, что автор, вместо досконального и кропотливого анализа фактов или психологических явлений, часто тяготеет к «литературности», создавая видимость глубинного психологического понимания. Он ориентирован, прежде всего, на обнаружение некоторой красивой схемы и затем склонен обрамлять ее интригующими читателя художественными картинками. Недостаток погружения в материал зачастую подменяется красивым литературным оборотом. По мере чтения текста Э. Эриксона явственно рождается ощущение, что автор «не внутри» материала, но «вовне» его, будучи, прежде всего, озабочен своей презентацией, экспликацией тонкости своего ума, «клинической» наблюдательности в глазах читателя» [19]. Данную позицию авторов поддерживает Н.Н. Толстых в одной из своих рецензий на монографию она пишет: «...книга дает поклонникам Э. Эриксона шанс не стать объектами манипуляции со стороны этого теоретика. Такая мысль открывает широкие просторы для дальнейшей работы в области подобных идентификаций и разоблачений» [105].

Относительно причин популярности термина «идентичность» политолог В.С. Малахов пишет следующим образом: «По-видимому, основания предпочтения нового термина привычным «самосознанию» и «самоопределению» следует искать в потере кредита традиционной понятийности. Притягательность понятия «идентичность» связана с тем, что оно позволяет избежать нежелательных ассоциаций с «философией сознания», и, в то же время, не отдавать соответствующую проблематику на откуп психоанализу. Вводя термин «идентичность», мы можем тематизировать нерелексивные, ускользающие от контроля «самосознания» содержания, и вместе с тем не прибегать к зарезервированным психоанализом понятиями «подсознание» и «бессознательное» [61]. Подобные выводы могут ввести в заблуждение не только специалистов не – психологов. Отрицание идентичности как самостоятельной категории мы уже приводили выше.

Во время появления эпигенетической теории Э.Эриксона в психологической науке уже присутствовали аналитические категории «Я» и «Моё» У. Джеймса, и было бы слишком просто принимать, что понятие идентичности явилось результатом понятийной путаницы, если учитывать то обстоятельство, что в своих рассуждениях Э.Эриксон часто обращался к сочинениям У. Джеймса. Введение термина как категории анализа разрешило противоречия в принятии постулата о переменчивости смыслов и устойчивости «вневременных» ценностей, в период возрастных кризисов.

Таким образом, во избежание дискуссий, образовавшихся вокруг термина «идентичность» в социогуманитарных науках в целом и в психологии в частности, необходимо определить психологические параметры анализа идентичности, которые допускают рассмотрение идентичности человека, как с процессуальной, так и со структурно-содержательной стороны.

1.4 Роль смысловых аспектов в исследовании функциональности идентичности личности

В нашей работе мы исходим из представления о том, что идентичность – это психологический феномен, обладающий природой смысла, и его объективизация возможна в системе личностных конструкторов.

Вопрос о системообразующей роли смыслов в идентичности личности в совокупности с ценностными ориентациями ставили такие ученые-психологи, как Э.Эриксон, А. Маслоу, Дж. Марсиа, А. Ватерман, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Л. Шнейдер, В.В., А.В. Серый, Е.В. Григорьева.

Ф.Е. Василюк, вслед за Э. Эриксоном вводит представление о специфической внутренней деятельности переживания кризиса, направленное на устранение возникающего рассогласования между смысловой сферой и субъективной действительностью, что, по сути, является условием сохранения целостности личности и идентичности [21].

Уровни смысловой сферы личности, которые выделяет Б.С. Братусь, выглядят следующим образом: прагматические, ситуационные смыслы, определяемые логикой достижения цели; эгоцентрический, определяемый личной выгодой, удобством; группоцентрический, представляющий смысловое отношение к действительности, определяемое референтной малой группой; просоциальный, представляющий общечеловеческие нравственные смысловые ориентиры [17]. Подобная иерархия смысло-ценностной структуры идентичности, проглядывалась в работах М. Ватермана, Ч. Кули, Д. Мида, Г. Брейкуэлла, М. Берзонского. В отечественной психологии проблема смысла системно изучалась в рамках деятельностного подхода. А.Н. Леонтьев называл смысл одной из образующих сознания, наряду со значением и чувственной тканью. После, обобщив результаты работы в книге «Психология смысла», Д. А. Леонтьев пишет: «Не существует отдельного объекта под названием «смысл», который можно было бы точно определить. Есть некоторая смысловая реальность, которая проявляет себя в разных формах, в разных структурах, на разных уровнях психики и регуляции деятельности. Как грибы являются порождениями одной грибницы, которая простирается далеко и связывает между собой много разных грибов, вылезающих на поверхность, так и конкретные смысловые феномены – смыслы, мотивы, установки и так далее, – только частные случаи проявления единой смысловой «грибницы», роль которой выполняет система смысловых связей, пронизывающая все отношения индивида с миром» [28].

В теории В. Франкла, как и в ряде других теорий (А. Адлера, К.-Г. Юнга, Дж. Ройса), смысл рассматривался как «вершинное» образование, высший ориентир человеческого поведения.

В теории Дж. Келли смыслы выступали, напротив, как сравнительно элементарные универсальные механизмы, присутствующие на разных уровнях и в разных звеньях человеческого поведения и познавательной активности.

Смысл во втором понимании часто оказывается намного более важным объяснительным понятием, чем в первом. Любая система регуляции по Д.А. Леонтьеву подразумевает три элемента: объект регуляции (его параметры, подлежащие регулированию), критерий регуляции (которому должен соответствовать объект) и механизмы управления, обеспечивающие возможность коррекции объекта в соответствии с критерием. В первом из двух упомянутых пониманий смысл выступает как критерий регуляции, во втором – как механизм управления. Мы можем поменять критерий – при этом вся система начнет двигаться в новом направлении, но на прежней основе. Таким образом, в теории В. Франкла стремление к смыслу было введено и убедительно обосновано как регуляционный критерий, в ряде других теорий (в наиболее развернутом виде – в теории А.Н.Леонтьева) оно было введено для описания механизма регуляции, присущего лишь человеческому поведению.

В.В.Столин рассматривает конфликтный смысл как единицу строения самосознания личности, он рассматривает смысловой конфликт как причину, актуализирующую рефлексивное самосознание. Эффективное переживание и разрешение конфликтных смыслов в деятельности самосознания приводит к перестройке системы личностных смыслов, творческому преобразованию прежних связей, подобно тому, как по Дж. Марсиа происходит поиск идентичности в состоянии моратория, когда человек находится в состоянии поиска информации, необходимой для разрешения кризиса [191, 192].

Осмысление собственных действий и объектов мира в интенциональном контексте, их места, роли и значимости для индивидуальной жизни придает человеческой жизнедеятельности новое качество. Смысл – это гораздо больше, чем высший интегральный регулятор человеческой жизни, задающий ее направленность; смысл – это регуляторный принцип человеческого поведения, принцип регуляции поведения человека его жизненным миром как целым, отсутствующий на более низких ступенях эволюции. Меру смысловой регуляции

поведения человека по сравнению с другими формами регуляции вслед за Д.А. Леонтьевым, можно рассматривать как меру человечности.

Транспективный анализ В.Е. Ключко определяет человека как целостную психологическую систему в его единстве с объективным миром. Основной тезис этого подхода заключается в представлении «жизненного самоосуществления» как процесса динамического взаимодействия с окружающим миром, где человек определяет себя через осмысление [41].

В психологической литературе неоднократно делались попытки классифицировать смыслы по различным основаниям. Кроме того, смыслы в различных школах и направлениях охватывают широкий спектр функционирования человека. Они выражаются в таких понятиях как: смысл действия, смысл деятельности, смысл существования и др. В связи с этим, необходимо выделить различные уровни осознания человеком окружающей действительности: жизненный смысл (жизненная необходимость); смысл жизни (развитие и стремление); смысл бытия (сверхсмысл или космический смысл).

В.Н. Мясищев признавал осознанность личностных смыслов, но мотивы и потребности, лежащие в основе появления смыслов, определял как не осознанные в полной мере: «Так как в своей динамике личностные смыслы становятся наиболее осознанными и мотивированными» [72].

Обращение к социальной реальности, которая предоставляет человеку ориентиры для идентификации, дает субъекту познания исключительно эффекты отражения, а, следовательно, является его собственным психическим содержанием, представленным исключительно в его внутреннем мире. Иными словами, социальная реальность для конкретного человека субъективна, причем субъективность в этом контексте означает не искажение объективности, а своеобразную форму созидания реальности.

В феноменологической концепции персонального мифа Э.И. Мещерякова пишет: «В целом персональный миф представляется продуктом самоосознания, основной структурной единицей которого является «смысл Я для Я»,

фиксированный в структуре «образа Я», когда в рамках внутреннего диалога и аутокоммуникации осуществляется сопоставление знания о себе и самоотношения. Как личностный феномен, персональный миф рассматривается как автобиографический, «беллетристический» жанр Я-концепции, смысловая идентификация личности, мифологический Я-образ в контексте проблемы кризиса идентичности и духовного самоопределения» [66, 68].

Функционально смысл представляет собой момент субъективного установления связи потребностей человека с предметной и инструментальной сторонами деятельности. Непосредственным источником смысла являются потребности и мотивы личности (Д.А. Леонтьев (1999); А.Г. Шмелев (1983)). Таким образом, смысл, как отношение между субъектом и объектом действительности, которое определяется местом объекта в жизни субъекта, выделяет этот объект в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту.

Таким образом, идентификация с той или иной социальной группой предполагает осмысление человеком его места в структуре общественных отношений, характеристик, уподобляющих его другим социальным группам и отличающим от них, норм и правил поведения, ценностей данной группы. Человек, осмысляя социальную реальность в широком смысле и свои отношения с окружающими людьми, идентифицируется с теми социальными группами, членство в которых отвечает тем или иным его потребностям. Особенно очевидно это становится в периоды психологического кризиса в жизни человека, когда человек на фоне происходящих в его жизни изменений становится перед выбором одной из нескольких альтернативных социальных идентификаций. Следует отметить, что признание за феноменом идентичности смысловой природы отнюдь не означает утверждения, что идентификационный процесс, а также актуальное содержание социальной идентичности личности носят исключительно осознанный характер. В классических трудах А.Н. Леонтьева, а также в работах его последователей смысл понимается исключительно как

продукт сознания, делающий доступным субъективное значение тех или иных действий и ситуаций. Впоследствии многие исследователи рассматривают смысл не только как феномен сознания, но и как феномен бессознательной психики (В.Н. Мясищев, В.В. Налимов, Дж. Мид). Весьма вероятно, что большая часть конструкторов идентификаций конкретной личности в подавляющем большинстве случаев находится за пределами ее сознания, и актуализируется только при столкновении личности с теми или иными объектами и ситуациями. Можно сказать, что результат осмысления субъектом социальной реальности находится в свернутом, не представленном в сознании виде, но это отнюдь не означает отсутствие конструктора.

А.В. Серый, проводя эмпирическое исследование психологических закономерностей формирования личностных смыслов на разных возрастных этапах жизни человека, рассматривал различные уровни функционирования смыслов. В зависимости от расположения смысла определялся тип текущего семантического статуса, который выражается в стратегии решения жизненных проблем. Способность человека анализировать и обобщать смыслы прошлого и настоящего рассматривается как мера целостности идентичности личности [98].

Е.В. Григорьева, с точки зрения интегративного подхода, определяет смыслы как системообразующий компонент структуры идентичности [26].

Один и тот же человек будет действовать как личность при актуализации в Я-концепции личностной идентичности и как член социальной группы – при актуализации понятия социальной идентичности Дж. Тэрнер развил идею биполярного континуума. Понятие самокатегоризации предполагает по Тэрнеру отнесение себя к социальной группе, через осмысление классов и элементов идентификационных объектов этой группы [217]. Он выделил три уровня самокатегоризации: 1) как человеческого существа (человеческая идентичность); 2) групповая – социальная идентичность; 3) личностная – личностная идентичность. Между выраженностью одного уровня самокатегоризации и другими ее уровнями существует функциональный антагонизм: с позиции

личностной идентичности человек не видит сходства между группами, с позиции групповой идентичности – не различает индивидуальных характеристик отдельных членов группы. Любые факторы, усиливающие выраженность групповой самокатегоризации, ведут к увеличению воспринимаемого тождества между собой и членами ингруппы и, таким образом, деперсонализируют индивидуальное самовосприятие (концепция деперсонализации). Деперсонализация относится к процессам «самостереотипизации», посредством которых люди воспринимают себя как взаимозаменяемые экземпляры социальной категории, а не как уникальные личности.

Современный российский культуролог и философ А.А. Пелипенко, развивая понятие партиципация в русле смыслогенетической концепции, подчеркивает коренное отличие мышления и практики человека от психики и поведения животного, посредством способности к *порождению смыслов*. В рамках когнитивной психологии получила распространение идея G. M. Breakwell (1993), согласно которой за любой социальной категорией стоит определенное содержание, основанное на тех признаках, которые обычно интерпретируются как содержание личностной идентичности. К числу первых работ когнитивного направления можно отнести исследование формирования национальной идентичности Ж.Пиаже. Швейцарский психолог сделал вывод, что социальная идентичность формируется по мере роста социальной осведомленности, знаний о своей социальной группе. Таким образом, в структуре идентичности в качестве ведущего выделяется когнитивный компонент, который играет ведущую роль в осмыслении места и роли в жизнедеятельности личности [85].

Подводя итоги, мы можем отметить, что идентичность личности формируется в процессе взаимодействия личности с социальной реальностью, в результате которого эта реальность субъективно осмысливается в соответствии с системой жизненных отношений и потребностей. Это позволяет утверждать, что идентичность обладает смысловой природой.

1.5 Этничность как конструкт идентичности личности

Понятие «идентичность» в большей мере стало популярным, благодаря присвоенному ему предикату «национальная». Исследователи идентичности сходятся во мнении о главной роли гендерной и этнической идентичности в процессе формирования персональной идентичности [18, 49, 68, 86, 99, 100, 102, 104, 124, 158, 161, 184, 210, 219].

Как автор теории кризиса идентичности, Эриксон, при описании поведения той или иной социальной группы или поведения отдельного индивида в своём фундаментальном труде «Идентичность: юность и кризис», непременно считает важным упомянуть национальную принадлежность: американская молодежь, негритянские писатели, молодой индус, немецкий рецензент и т. п.

Одно из первых упоминаний З. Фрейдом термина «идентичность», по мнению Э. Эриксона, используется «не просто мимоходом, а в очень существенном этническом смысле». Обращаясь к членам еврейской организации Бнай Брит, З. Фрейд говорит о сознании внутренней идентичности, часто презираемом еврейским народом на протяжении повторяющихся в истории гонений [109]. Далее он пишет про особый интеллектуальный дар его народа, который успешно преодолел ограничение его возможностей со стороны враждебного окружения. Основатель психоаналитического направления в психологии подчеркивает, что принадлежность к еврейскому происхождению повлияла на формирование у него свободного лишенного предрассудков интеллекта.

Для дальнейшего понимания рассматриваемого аспекта необходимо обратиться к пониманию и применению терминов «этнос», «нация», «народ» в современной психологии. Этнос, согласно культурологическим и социологическим определениям – это бытие естественной, природной, вневременной общности, а нация – бытие социальной, производственно-исторической общности. С этносом ассоциируется сообщество, в котором

господствует сила традиции, привычки, обычаев, передающихся от поколения к поколению на семейном или соседском уровне. На этом фоне нация – понятие более светское и политизированное, которое связано с государством [18.].

В психологии, в том числе и в нашем исследовании, не принимается жёсткое разделение понятий «этнос» и «нация», поскольку в цивилизованном обществе в контексте межличностных взаимоотношений эти различия не играют существенной роли и в сознании большинства людей эти конструкты совпадают. Поэтому, даже при допущении существования различий понятий «этнос», «нация» в сознании современных студентов казахской и русской национальности, мы не видим надобности артикулировать данные различия в инструкциях экспериментального исследования, поскольку эти категории не имеют значительной смысловой разницы для определения национальных или этнических отношений. В использованном в исследовании опроснике «Типы этнической идентичности» названия шкал привязываются к этносу: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, но в содержании и формулировке 30 вопросов рассматриваемой методики применяются два термина – «нация» и «народ» [101].

Для психологического понимания этничности важно проявление в сознании человека отношения «мы» – «они» относительно иной группы, при осознании себя как члена этнической группы. В основе этих различий могут лежать антропологические признаки, такие как внешность, черты лица. Это могут быть социокультурные признаки - другие обычаи, язык, традиции и т. п., а также различия в отношениях к способу общественного производства - кочевой или оседлый, аграрный или скотоводческий и т. п., отношения к богам, идолам, тотему. Непривычные и малоузнаваемые признаки вызывают желание сопроводить их гетеростереотипами («они хитрые», «едят лягушек» и т. п.). Их обычаи, внешность, традиции, способ жизни, как правило, «непонятные».

В концепции этнической идентичности Г.Т. Стефаненко этничность рассматривается в качестве одного из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности и являющихся результатом переживания отношений Я и этнической среды [102]. Тема «национального духа» в России и Казахстане широко популяризировалась, благодаря трудам российского ученого Л.С. Гумилева об этногенезе, где «этничность» или «этническая идентичность» есть условие самой себя. Она мыслится как нечто само собой разумеющееся и самодостаточное. Ее обусловленность социальными, экономическими и политическими обстоятельствами либо не берется в расчёт, либо рассматривается как вторичный фактор, как «внешняя детерминанта». Такой подход, с точки зрения научной методологии, не может быть принят как доказуемый, т.к. не позволяет установить строгие причинно-следственные связи.

В то же время теория этногенеза Л.С. Гумилёва представляет ряд оригинальных мыслей относительно происхождения этносов и их взаимовлияния друг на друга, в частности, интерес представляет его объяснение совместимости и несовместимости групп по этническому признаку. Отвечая на вопрос: что движет людьми в их стремлении объединиться с одними этносами и разъединиться с другими – автор теории этногенеза развивает понятие комплементарности. Комплементарность впервые в психологическом аспекте упоминается в структурной теории супружеской совместимости американского психолога С. Винча. В ней описываются эмпирические наблюдения о существовании взаимодополняющих черт характера и особенностей темперамента у супружеских пар [42]. Принцип комплементарности по Л.С. Гумилёву заключается в неосознанной симпатии и антипатии к другим этносам. Данное предположение особо подходит для объяснения межэтнических отношений в поликультурных обществах, каковым представляется Казахстан. Если учитывать такие аспекты, как расовые отличия, язык, религия и т. п.,

можно предположить, что казахский и русские этносы не образуют единение по принципу сродства, в данном случае больше подходит модель комплементарных отношений.

По мысли Барта, единственным реальным для нас способом определения этнической группы является способ, основанный на исследовании тех границ этнической идентичности, которыми она сама себя очерчивает, отвлекаясь от культурного содержания, находящегося в пределах этих границ. «Культурные черты, которые обозначают эту границу, – писал он, – могут меняться; культурные характеристики членов (этнических групп) также подвержены трансформации; организационные формы группы – и те могут изменяться. И только факт постоянной дихотомии между членами группы и «внешними» позволяет нам определить этническую общину и исследовать изменения культурных форм и содержаний».

Психоаналитики объясняют социальное поведение человека с точки зрения перманентного конфликта между личностью и социумом, обусловленного доминированием в жизни человека бессознательных импульсов. З. Фрейд впервые объяснил проблему идентификации личности в социуме. Главным средством поддержания сплоченности и стабильности группы Фрейд считает аутогрупповую враждебность. Ещё один известный психоаналитик Т. Адорно исследовал проблему авторитаризма, связанного с этноцентризмом. Этноцентризм, как считает Адорно, проявляется в желании людей быть тесно связанными только со своей группой. Однако поведение индивидов в группе Адорно объясняет, в отличие от того же Фрейда, не бессознательными влечениями, а процессами воспитания. Также он делает акцент на ригидности мышления людей с авторитарными склонностями, которое отличается применением определенных стереотипов и шаблонов. О связи восприятия этничности и стереотипного мышления пишут ряд исследователей национального характера и самосознания [18, 50, 68, 86, 99, 102, 104, 124, 210].

Люди склонные мыслить предрассудками обычно пользуются стереотипными описаниями национальных особенностей (евреи корыстны, чернокожие ленивые, и т. п.) [86]. Дж. Келли в своей теории личностных конструкторов объясняет различные способы построения конструкторов при восприятии и объяснении окружающего мира, разделяя их на три когнитивных типа: упредительные, констелляторные, предполагающие. При этом упреждения так же, как и стереотипы, описываются им как ригидные застывшие клише, констелляторные конструкторы допускают более свободные связи, но ограничиваются определенными отрефлексируемыми в личном опыте контекстами, тогда как предполагающие всегда нацелены на поиск новых связей для построения интерпретаций. При этом Келли не утверждает в своей теории, какие конструкторы «лучше» или «хуже» помогают человеку понимать и контролировать окружающую ситуацию, как в объяснении того или иного явления или феномена, – будь то поступок человека, или схема станции метро, или траектория полёта футбольного мяча. Все три типа конструкторов, по Келли, имеют интерпретационные возможности и имеют прогностическую силу, точность которой зависит от выбора индивидуумом определенной тактики мышления в сложившейся ситуации.

Исследователи же этнических стереотипов, склоняются в своих объяснениях видеть взаимосвязь стереотипных представлений с ригидным мышлением. Дж. Доллард и Л. Берковитц, считают групповую предубежденность продуктом человеческого созидания. Агрессивное поведение индивидов, находящихся в одной группе, по отношению к представителям других групп возникает при наличии фрустраций социального характера. Причины появления фрустраций кроются в сравнении индивида с другими индивидами и возможном выявлении меньшего числа преимуществ одних над другими.

В этом случае появляется возможность формирования ложной идентичности. Но только подлинная этническая идентичность дает чувство психологического комфорта.

Этнопсихологи делают в данном случае вывод, что принадлежность индивида к нескольким группам может смягчать конфликт между конкурирующими группами. Этническая идентичность – динамическое образование, поэтому психологические и социальные факторы влияют на изменение содержания идентичности. По мнению этнопсихолога Ю.П. Платонова, трансформации особенно вероятны в случае смены среды проживания или в случае межэтнического брака [86]. Ю.П. Платонов выделяет на основе различных этнопсихологических исследований три основных типа этнической идентичности: этноцентрическую, полиэтническую, трансэтническую. Изучая межэтническую напряженность как целостную характеристику отношений между народами, Г.У. Солдатова проводит глубинный анализ этнической идентичности, что позволяет ей выделить шесть видов этнической идентичности: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляционизм, национальный фанатизм.

Таким образом, формирование этнической идентичности – процесс сложный и неоднозначный, включающий в себя язык, систему культурных ценностей, генетическое происхождение и другие составляющие. Для психологического понимания этничности важно проявление в сознании человека отношения «мы» – «они», «наше» – «не наше» относительно других национальных групп. В основе этих различий могут лежать как антропологические признаки, такие как внешность, черты лица, так и осознание «особенных» определенных человеческих качеств и их сочетаний и даже способности мыслить свободно.

1.6 Репрезентативные методики в исследовании смысловых аспектов идентичности

Конструирование идентичности человека, как мы поняли, сложный и протяженный во времени процесс. Содержание исследования заключается в рассмотрении разносторонних отношений смысловых аспектов идентичности, представленных в системе личностных конструкторов студентов.

Основным приоритетным обоснованием выбора репертуарного теста для исследования смысловых аспектов идентичности современных студентов послужила заложенная в нем возможность целенаправленно повышать валидность исследования через возможность управления личностным репертуаром.

Метод выявления конструкторов носит название «метода триад», триады используются для выявления конструкторов. Этот способ называют методом «минимально необходимого контекста». В оригинале использовался список из 24 ролевых персонажей (учитель, жена, руководитель, отец, мать, счастливый человек, человек, которого вы жалеете, и т. д.), относящихся к семи группам («Я», «семья», «отношения», «близкие», «авторитет», «ситуативные персонажи», «ценности»).

Изначально разработанный для использования в области клинической психологии, репертуарный тест был адаптирован для использования в самых различных областях. Обзор литературы позволил нам выявить случаи использования метода репертуарных решёток в исследовании идентичности и Я-концепции личности [50, 107, 129, 136].

С того времени, как была разработана техника репертуарных решёток, засвидетельствовано широкое использование репертуарного теста. Примеры включают исследования: потребностей в обучении управлению Honey R. (1979), консультирования в бизнесе Jankowicz A., Cooper K. (1982), отношения общества к технологиям Frewer L., Howard C. (1998), позиции риска розничной торговли

продуктами Mitchell V., Kiral H. (1999), восприятие брендов музеев и галерей Caldwell N., Coshall J. (2002), восприятия хлебной продукции Hersleth, M., Berggren, R., Westad, F. (2005) и восприятия фруктов потребителями Jaeger S., Rossiter K. (2005). Франселла и Баннистер обращают внимание на то, что поставляемые (заданные исследователем) элементы репертуарного списка могут быть использованы с учётом условий, и они имеют отношение к интересующей области. Наиболее значимыми сферами жизни для формирования идентичности А. Ватерман определил: профессию, принятые моральные или религиозные убеждения,

Репертуарный тест получил широкое применение в маркетинговых целях, это привело к появлению трёх типов репертуарного метода.

(I) полная репертуарная решётка: когда человек самостоятельно идентифицирует и задаёт элементы репертуарного списка.

(II), частичная репертуарная решетка: когда отдельные элементы поставляются заранее исследователем, остальные идентифицируются и задаются испытуемыми.

(III) фиксированная сетка: когда элементы полностью задаются исследователем [165].

Условно репертуарные сетки включают в себя только три основных понятия (элементы, выявленные конструкты и их оценка и анализ). Одновременно существует ряд конструктивных решений, влияющих на надежность и валидность метода. Чтобы обеспечить ясность того, как и почему репертуарные решетки используются в научном исследовании, мы сосредоточимся в этом разделе на разработке решений, которые должны быть сделаны до их принятия.

Конечным результатом является тестовая модель репертуарных конструктов, которые люди используют, чтобы интерпретировать их социальную реальность. Эти формы, как правило, привлекаются к анализу, в котором исследователь рассматривает: 1) число и разнообразие определенных

конструктов; 2) содержание и характер конструктов; 3) отношения различных конструктов; 4) другие свойства, такие как проницаемость, открытость или закрытость. Келли (1961) разработал математический шаблон анализа решетки для того, чтобы уменьшить вероятность ошибки толкований и интерпретационных отклонений. При этой форме статистического анализа сетки основываются на определенных конструктах, которые наиболее точно отражают систему взглядов испытуемого, с максимально возможной точностью.

Ю.М. Забродин и В.И. Похилько в предисловии книги английских психологов Ф. Франселлы и Д. Баннистера «Новый метод исследования личности» пишут: «Метод репертуарных решеток может быть «настроен» на реконструкцию самых разных областей субъективного опыта человека, на выявление личностных конструктов различного уровня обобщенности и значимости. Это один из немногих методов, который позволяет использовать в исследовательской и диагностической работе не только общегрупповые нормативные шкалы (параметры, характеристики), но и уникальные, свойственные только данному конкретному человеку» [32].

Таким образом, анализ процессов объективации включает в себя изучение возможностей вербализации, словесных обобщений, которые представлены в модели, также основных принципов осмысления реальности, как структуры с более или менее стабильными моделями и характеристиками. Речь идет о принципах, формах и методах семантической (смысловой и символической) представленности, действительности в сознании.

Процессуальность самоосуществления идентичности неоднократно отмечалась исследователями [57, 66, 73, 125, 137]. В поиске тождественных функций идентичности мы обратились к нарративному подходу в исследовании личности. Роль автобиографических воспоминаний в конструировании идентичности отмечали в своих исследованиях ряд авторов [12, 91, 147].

Присутствие смысла в изложенной событийной структуре жизни, согласно В. С. Мухиной, отражает степень включенности личности во все временные

измерения. Это достигается благодаря временной рефлексии, как по поводу места в индивидуальной перспективе жизни, так и на пути человечества в целом [71].

Этимология термина «нарратив» (*narrare*), связанного с латинским «*gnarus*» – знающий, эксперт, осведомленный в чем-либо. Наше внимание к «нарративу» предопределено желанием преодоления традиционных исследований идентичности. С точки зрения нарративного подхода, речь не идет об объективном событии, например, из жизни определённого человека, а о повествовании, заключающем в себе, как основу, конкретный культурный контекст.

Идея включения в анализ идентичности временных составляющих развивалась как одна из центральных во всей проблематике исследования «Я». Прежде всего, это оказалось связано с введением в активный научный обиход понятий «возможное Я», «жизненный сценарий», «персональный миф», «биографический метод», «психологическое время». В психологии существует достаточное разнообразие методик, которые придерживаются нарративного измерения личности (лонгитюд, биографические отчеты, мифы, истории жизни). Свободное путешествие во времени возможно, в нашем сознании, эту способность психолог В.И.Ковалёв назвал транспективой [56]. Этот механизм является конкретным проявлением биографического мышления и даёт возможность предвидения будущего (перспектива), возвращения к прошлому (ретроспектива) и обзора настоящего.

Биография, так или иначе, кладётся в основу психологического исследования личности. На биографической основе возможна психоконсультационная работа, направленная на совершенствование личности через оптимизацию субъективной картины жизненного пути и самой жизнедеятельности в социальном пространстве и времени.

В повествовании проявляется склонность человека к упорядочиванию всей жизненной эмпирики в форме автобиографии. Этот процесс позволяет субъекту получить непротиворечивую картину мира и своего Я.

В герменевтическом подходе П.Рикера нарратив – повествования, с помощью которого субъект конструирует свое Я и поддерживает свою целостность во времени [91].

Идентичность, как протяженный во времени феномен, с присущей ему жизненной историей, широко рассматривал Д. Макадамс «Личный миф», по его мнению, появляется отчетливо в переходном возрасте и может пересматриваться в течение всей жизни в конструкте «возможное «Я»».

Функционирование идентичности во времени отмечали в своих исследованиях психологи У. Джеймс, Д. Макадамс, Д. Брунер. В философии П. Рикера идентичность выступает как «нарративная идентичность». Нарратив – повествования, с помощью которого субъект конструирует свое Я и поддерживает свою целостность.

Роль автобиографической памяти в формировании идентичности, проявляется в сознательной выборности жизненных событий для обеспечения целостности и непротиворечивости личности. Как написал Э. Гидденс: «Идентичность человека не может быть обнаружена ни в его поведении, ни, как бы важно это ни было, в реакциях других людей, но она зависит от способности поддерживать определенный нарратив» [160].

Э.И. Мещерякова (2001), на основе многолетнего эмпирического материала, даёт обоснование правомерности исследования персональных текстов и их применения в практике психологического консультирования. Способ переживания и осмысления событий и понимание собственного биографического опыта определяют, по мнению автора, принятие или непринятие своего «Я» образа.

Итак, сама идея включения в анализ Я-концепции временных составляющих не нова. Прежде всего, это оказалось связано с введением в

активный научный обиход понятий «возможного Я», «жизненный сценарий», «персональный миф».

Таким образом, «соединить» целостность идентичности, ссылаясь на концепцию тождества и различность позиций «Я» и «Другого» (концепция различия) – позволяет подход Келли, предлагающий механизм исследования идентичности в рамках исследовательской рефлексии. Именно понимание (субъективность) придаёт смысл идентичности. Личность как рефлексирующий субъект, наделяется властью номинации. Она оказывается одновременно основанием символических структур (конструирующим), но и зависящей от них (конструируемый).

Получить информацию о прошлом, об уровне дифференцированности и структурированности идентичности позволяет автобиографический метод.

Проведённый анализ позволил сформулировать следующие теоретические положения, на которых основывается исследование:

Большинство исследователей идентичности традиционно следуют трём подходам: психоаналитическому направлению, представленному Э.Эриксоном, Дж. Марсиа, А. Ватерманом, символическому интеракционизму, представленному Ч. Кули, Дж. Мидом, И. Гоффманом, Р. Фогельсоном, Л. Краппманом, Ю. абермасом и когнитивно ориентированной психологии Х. Тэджфела, Г. Брейкуэлла, Дж. Тэрнера.

В исследованиях Э. Эриксона, А. Ватермана, Дж. Мида, Дж. Марсиа идентичность представлялась с процессуальной и содержательной сторон. Обязательными сферами для формирования идентичности А. Ватерман определил: профессиональное самоопределение; принятые и переоценённые моральные и религиозные убеждения; политические взгляды; актуальный набор социальных ролей. На формирование личностной идентичности влияет восприятие субъективного времени и особенности содержания ценностно-смысловых аспектов личности. В процессе отнесения себя к определенной социальной группе, через

осмысление классов и элементов этой группы, у личности формируется социальная идентичность, где наиболее определённое место занимает этническая идентичность.

Транссективный анализ развития научной психологии позволил обозначить базовую тенденцию к процессуальному пониманию идентичности. Как один из корректных и репрезентативных методов исследования многомерных характеристик идентичности является метод репертуарных решёток Келли, предлагающий исследование в рамках исследовательской рефлексии. Получить информацию о временных составляющих идентичности и её уровне дифференцированности и структурированности позволяет автобиографический метод.

Глава 2. Методологические и методические основания исследования смысловых аспектов идентичности личности студентов

Во второй главе описываются методические подходы к исследованию идентичности с рассмотрением временного и содержательного компонента данного феномена. Обосновываются методологические проблемы исследования идентичности как интегрирующего целостность личности компонента. Рассматривается материал пилотажного этапа исследования, с процедурой апробации варианта техники репертуарных решёток. Приводится программа исследования, отражающая процесс моделирования исследовательской проблемы. Смысловые аспекты идентичности личности рассматривались в четырех важных сферах жизни: профессиональное самоопределение; моральные и религиозные убеждения; политические взгляды; актуальный набор социальных ролей, черты характера и т. п. Соотношение категориальных и оценочных эталонов задействованных в конструктах, и характер их происхождения, исследовались как различные компоненты идентичности студентов.

2.1 Программа исследования

При отношении к личностным конструктам, как к элементам релевантным смысловым аспектам идентичности, выдвинуты гипотезы исследования о взаимосвязях личностных конструктов с показателями других методик. Формулируется цель исследования, выдвигаются гипотезы, определяются цели исследования через решение поставленных задач, обосновывается применение методов исследовательской работы. Целью исследования явилось построение модели идентичности личности на основе системы личностных конструктов студентов казахской и русской национальности.

Задачами исследования были следующие:

1. Определить доминирующие элементы репертуарного списка смысловых аспектов идентичности студентов, и выявить личностные конструкты с применением техники репертуарных решёток Келли.
2. Провести анализ личностных конструктов через применение нарративного подхода с помощью автобиографического метода.
3. Определить сферы возможной идентификации студентов в поликультурном обществе (социально-ролевая, профессиональная, национальная, религиозная, семейная, событийная).
4. Выявить наличие/отсутствие взаимосвязи между способами образования личностных конструктов и жизнестойкостью личности студентов.
5. Построить конструктно-смысловую модель идентичности личности (на примере русских и казахских студентов).

Основной гипотезой исследования было предположение о том, что смысловые аспекты системы личностных конструктов и их осознание являются теми компонентами идентичности личности, которые отражают редуцирование сознания до понимания событийной структуры жизни и осуществляющими саморегуляцию в качестве условия жизнестойкости личности.

На основании основной гипотезы были сформулированы рабочие, эмпирически проверяемые гипотезы. Предполагается, что дефрагментация идентичности как процесс становления целостности личности происходит за счёт осмысленного расширения и определения системы личностных конструктов, продуктивность которой зависит от выбора способов построения конструктов и умения структурировать поступающую информацию.

Существует взаимосвязь между личностными конструктами, структурой жизненных событий и параметрами жизнестойкости личности, которая обуславливает процессы интеграции идентичности личности.

Опираясь на характеристики идентичности, определенные изначально в теории возрастных кризисов Э. Эриксона, а также структурные компоненты идентичности, выявленные эмпирическим путём, мы выделили следующие

структурные компоненты, для выявления смысловых аспектов идентичности личности студентов казахской и русской национальности: содержательный компонент (характеристики, определяющие уникальность личности, показатели контроля (саморегуляции); ценностный компонент (положительные или отрицательные оценки принципов, ситуаций, личностей (вовлеченность); хронологический компонент (развитие идентичности в субъективном времени).

План исследования включал следующие этапы: а) разработку техники репертуарных решёток для исследования смысловых аспектов идентичности личности; б) проведение эмпирического исследования в соответствии с поставленными гипотезами; в) моделирование результатов исследования с помощью метода центроидного кластерного анализа, метода группирующего кластерного анализа (по Уорду), метода анализа таблиц сопряженности по критерию Пирсона χ^2 , метода корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, дисперсионный анализа по Р-критерию Фишера, ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса.

Задачи экспериментального исследования:

1. Разработать и апробировать на практике принципы работы техники репертуарных решёток Келли для исследования смысловых аспектов идентичности личности студентов казахской и русской национальности.
2. Обосновать рассмотрение нарративного измерения в контексте событийной структуры жизни как показателя функционирования целостности идентичности.
3. Выявить наличие взаимосвязей параметров жизнестойкости (вовлечённость, принятие риска, контроль) с системой личностных конструкторов студентов казахской и русской национальности.

2.2 Выборка исследования

Выборка исследования, определялась задачами данного исследования, а ее репрезентативность – целевой установкой исследовательской программы. Всего было исследовано 516 человек. Предварительно было проведено пилотажное исследование, в котором участвовали 318 преподавателей школ и лицеев и старшеклассников. На основном этапе использованы данные обследования студентов, всего: 61 человек мужского пола (48 студентов факультета физического воспитания и спорта, 11 студентов факультета иностранных языков, 2 студентов факультета педагогики и психологии) и 137 женского пола (24 студента факультета физического воспитания и спорта, 26 студентов факультета дошкольного воспитания и обучения, 29 студентов факультета методики начального обучения, 26 студентов факультета иностранного языка, 32 студента факультета педагогики и психологии иностранного языка).

Средний возраст испытуемых студентов – 20 ± 3 года. Данные о гендерной принадлежности, специальности обучения, национальности представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение выборки по признакам специальности пола и национальности

Специальность	мужской пол	женский пол	казахи	русские	всего
ФКС	48	24	40	32	72
ДВО	0	26	14	12	26
МНО	0	29	14	15	29
ИН ЯЗ	11	26	19	18	37
ПиП	2	32	21	13	34
всего	61	137	108	90	198

2.3 Методология и методы исследования

Основной тезис работы заключался в исследовании смысловых аспектов идентичности личности в системе личностных конструктов и в структуре жизненной эмпирики студентов. В методологии анализа и исследования идентичности исходили из положений об активности личности и ее самосознания в процессе самоопределения, изложенных в теории личностных конструктов Дж. Келли;

психологические концепции многомерности человеческого бытия в многомерном мире, представленные в трудах А. Н. Леонтьева, В.Е. Ключко; психологии отношений личности, определяющей отношение личности как интегративный фактор обеспечивающий целостность и устойчивость личности В.Н. Мясищева; взгляды на роль смысловых элементов индивидуального мифотворчества в образовании целостного персонального мифа как способа самопринятия личностью собственного бытия Э.И. Мещеряковой, теории психосоциального развития идентичности Э. Эриксона и А. Ватермана; концепции этнической идентичности с позиций социального конструкционизма Т.Г. Стефаненко; постнеклассической концепции развития личности и роли системы личностных смыслов А.В. Серого.

Если говорить об идентификации человека по биометрическим свойствам (отпечатки пальцев, геометрия лица, радужная оболочка глаз и т. п.), проблем с идентификационными признаками не возникает. Другое дело, когда речь идёт о психологическом феномене идентичности. Известному ученому Алану Тьюрингу (1950) удалось при помощи компьютера создать программу, имитирующую искусственный интеллект взрослого человека. Таким образом, определить идентификацию интеллекта человека становится более или менее доступным. Компьютерная программа может провести рациональный анализ

внешних воздействий, на основании этого факта мы предполагаем возможность не только биологической, но и психологической идентификации человека [106].

Согласно А. Ватерману, идентичность формируется в результате выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса идентичности, и является основанием для определения жизненного направления и смысла жизни. Как и философская установка, сформулированная Дж. Келли, согласно которой реальность может интерпретироваться людьми множеством разных способов на основании «конструктивных альтернатив» (то есть различных точек зрения на реальность, индивидуальных моделей реальности). Обязательными сферами для формирования идентичности А. Ватерман определил: профессиональное самоопределение; принятые и переоценённые моральные и религиозные убеждения; политические взгляды; актуальный набор социальных ролей [219, 220].

Психодиагностический подход в исследовании обеспечивался методами: Техника репертуарных решёток Келли (ТРР), Автобиографический метод (вариант А.А. Кроника), Методика «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатов, С.Е. Рыжова), Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева), Тест «Кто Я?» - М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой).

Методы анализа, использованные для проведения статистического анализа: 1) метод сравнения долей и частот; 2) метод центроидного кластерного анализа; 3) метод группирующего кластерного анализа (по Уорду); 4) метод анализа таблиц сопряженности по критерию Пирсона χ^2 ; 5) метод корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена; 6) дисперсионный анализ по F-критерию Фишера; 7) ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса.

Статистическая обработка данных проводилась в пакете программ STATISTICA 8.0. Выбор модели анализа данных и статистических методов, обусловлен целями исследования и статистическими характеристиками шкал.

Выбор техники репертуарных решёток для исследования смысловых аспектов идентичности личности обусловлен следующими методологическими принципами:

Во-первых, критикой по отношению к активно применяемым методам прямого опроса для выявления психологических характеристик. Не корректность этих методик проявляется в шаблонном характере ответов опрашиваемых. Не исключается что «истинные» представления в отношении своего «Я» и значимых «Других» являются для респондентов неосознаваемыми. У этих методов существуют и другие минусы. Например, различные тенденции ответов, ошибки воспоминания, невнимательность, позиционные эффекты и др.

Во-вторых, в психологических исследованиях все большее внимание стало уделяться изучению так называемых «автоматизированных» (т.е. не требующих прямого сознательного контроля и сознательной регуляции) процессов переработки информации. При этом, чаще изучаются имплицитные образования, такие как установки и стереотипы.

Приоритетным обоснованием выбора репертуарного теста для исследования смысловых аспектов идентичности современных студентов послужила заложенная в нем возможность творческой разработки в каждом отдельном случае. Это позволяет целенаправленно повышать валидность исследования, через возможность управления личностным репертуаром.

Техника репертуарных решёток Келли позволяет выявлять конструкты «методом триад». Этот способ называют так же методом «минимально необходимого контекста». Конструкт – это не просто аспект значения. Это самостоятельное смысловое образование – способ дифференциации объектов. Возникнув на одних элементах, оно может быть распространено на другие элементы. В оригинале использовался список из 24 ролевых персонажей (учитель, жена, руководитель, отец, мать, счастливый человек, человек, которого вы жалеете, и т. д.), относящихся к семи группам («Я», «семья», «отношения», «близкие», «авторитет», «ситуативные персонажи», «ценности»). Понятие

конструкта легло в основу метода репертуарных решеток, сами же репертуарные решетки появились в результате попыток операционализации понятия конструкта. В самом общем виде конструкт – это биполярный признак, альтернатива, противоположные отношения или способы поведения, который формируются на основе личных смыслов и смыслов, усвоенных человеком в процессе взаимодействия с социальным окружением. Смыслы как системообразующий компонент многоуровневой организации идентичности были ранее рассмотрены в трудах А.В. Серого, Е. В. Григорьевой.

Конструирование идентичности человека, как мы поняли сложный протяженный во времени процесс. Одной из целей исследования личности является рассмотрение разносторонних отношений смысловых аспектов идентичности, представленных в системе личностных конструктов студентов. В поиске тождественных функций идентичности мы обратились к нарративному подходу в исследовании личности. Роль автобиографических воспоминаний в конструировании идентичности, отмечали в своих исследованиях ряд авторов [12, 91, 147].

В зависимости от того, какого направления придерживается автор, они делятся на разные подходы:

В социальном интеракционизме делается акцент на присвоение социальных ролей и «значимых Других»; в психоаналитическом подходе большое внимание уделяется событиям детства; в российской психологии данные вопросы исследуются в рамках направления, известного как «жизненный путь личности» [2, 5, 12]. Биодромальный подход рассматривает прошлое, будущее на протяжении всей жизни человека.

В исследовании событийной структуры жизни студентов мы сосредотачивались на «переломных» событиях жизни (в определении самих студентов) и на отношении к ним, так же учитывалось количество этих событий и общая плотность событий.

Биография, так или иначе, кладётся в основу психологического исследования личности. На биографической основе возможна психоконсультационная работа, направленная на совершенствование личности через оптимизацию субъективной картины жизненного пути и самой жизнедеятельности в социальном пространстве и времени.

Идентичность рассматривается как результат истории, т.е. результат самосохранения и развития субъекта в условиях, которые случайным образом связаны с основанием его сиюминутного стремления. Именно поэтому по отношению к истории, дающей субъекту его идентичность, он является не ее действующим субъектом, а всего лишь «референциальным» субъектом рассказывания этой истории.

В исследовании автобиографии личности использовался вариант методики разработанный А.А. Кроник и дополненный Н.А. Логиновой [54]. В таблице 2 представлен образец хронологической таблицы, которую заполняли испытуемые студенты в соответствии с приложением А.

Таблица 2 – Образец хронологической таблицы

Хронология	Событие, факт	Субъективное состояние	Характеристика, самохарактеристика	Оценка периода, момента
2009, июль	Выиграла грант на обучение в вузе	Радовалась	Я была счастливой	Хорошее время

Данная методика сохраняет достоинства индивидуально ориентированного анамнеза и позволяет обобщить результаты исследования на больших выборках испытуемых.

Техника проведения обследования.

1. Предлагается перечислить наиболее важные с точки зрения испытаний, события прошедшей и будущей жизни для получения информации о переживаниях, связанных со значимыми событиями и с перспективами, которые строятся в планах на будущее. Количество событий не ограничены.

2. Испытуемыми проставляется оценка каждого события в диапазоне положительно – отрицательно. Обозначается дата события, возможно примерная, если не помнят подробную.

3. Обработка автобиографических данных осуществляется через качественный и количественный анализ. Подсчитывается число радостных, грустных, событий и количество событий в целом. Определяется тип повествования: «Исповедальность», «Хроникальность», «Самооправдание», «Самоанализ».

В соответствии с полученными количественными показателями, возможно охарактеризовать следующие параметры: продуктивность воспроизведения образов жизненного пути, оценку событий самими испытуемыми (значимость для него тех или иных жизненных событий, желательность-нежелательность, степень их влияния, среднее время антиципации и ретроспекции). Во многих событийных исследованиях учету количества событий уделяется особое внимание. Как в первоначальных работах, так и в последующих идея взаимосвязи количества событий недавнего прошлого и последующего физического или психического состояния оставалась центральной. При изучении жизненного пути в целом учет количества событий приобретает иное значение. Определенная проективность методики предполагает рядоположность интерпретации количества указываемых испытуемыми событий с интерпретацией количества личностных конструкторов, связывающей этот количественный параметр с психологическими характеристиками, выражающими продуктивную активность испытуемого. При этом учитывается богатство образов, легкость их актуализации, психическое состояние, а также условия обследования, социальные, культурные различия.

Тест жизнестойкости представляет собой адаптацию опросника *Hardiness Survey*, разработанного американским психологом Сальваторе Мадди. Опросник состоит из 45 утверждений (приведён в приложении Б), ответы на которые подвергаются обработке. 3). Термин *hardiness*, который Д.А. Леонтьев

предложил обозначить на русском языке как жизнестойкость, характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности. Мадди выделяет три составляющие способствующие успешному совладанию со стрессом и снижению (или даже предупреждению) внутреннего напряжения в структуре жизнестойкости: 1. Вовлеченность. 2. Принятие риска. 3. Контроль.

Вовлеченность (commitment) определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности». Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, отсутствие подобной убежденности порождает ощущение себя «вне» жизни.

Контроль (control) представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Принятие риска (challenge) – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование. Готовность к риску заключается не в простой склонности к риску, а включает в первую очередь самодвижение деятельности личности, активность субъекта в определении диапазона постановки цели, выход за пределы задаваемых требований.

Выбор методики Мадди для исследования идентичности личности студентов обоснован следующими факторами:

1. Уровень жизнестойкости и «воля к жизни» влияют на успешность преодоления процессов стадий диффузии и моратория, сопровождающих процесс идентификации личности

2. Концепция жизнестойкости соотносится с взглядами Э.Эриксона на формирование идентичности как преодоления личностных кризисных этапов, поскольку в основе заложено понимание того, как человек преодолевает экзистенциальную тревогу через осуществление выбора и самоутверждение.

3. Показатели уровня вовлечённости, принятия риска и контроля, согласно нашей гипотезе, могут быть обусловлены полярностью этнической идентичности личности (положительная, отрицательная).

Методика «Типы этнической идентичности» (Г.У.Солдатова, С.Е.Рыжова), позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации. Опросник строится на утверждении, что существует 6 основных типов этнической идентичности – этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность (норма), этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм [101].

Г.У. Солдатова связывает этническую идентичность с мифологией, «ее главная опора – идея или миф об общей культуре, происхождении, истории». С этим вполне можно согласиться. «Этническая идентичность – это, в первую очередь, результат когнитивно – эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособление от других этносов».

Типы идентичности, с различным качеством и степенью выраженности этнической толерантности выделены на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма, начиная от «отрицания» идентичности, когда фиксируется негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе, и заканчивая национальным фанатизмом – апофеозом нетерпимости и высшей степенью негативизма по отношению к другим этническим группам. Опросник

содержит шесть шкал, которые соответствуют следующим типам этнической идентичности.

1. Этнонигилизм – одна из форм гиподентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию.

2. Этническая индифферентность – размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности.

3. Норма (позитивная этническая идентичность) – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. В полиэтническом обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее с одной стороны как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире. Усиление деструктивности в межэтнических отношениях обусловлено трансформациями этнического самосознания по типу гиперидентичности, которые соответствуют в опроснике трем шкалам:

4. Этноэгоизм – данный тип идентичности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ», но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

5. Этноизоляционизм – убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия.

6. Этнофанатизм – готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа

другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм представляют собой степени гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. В межэтническом взаимодействии гиперидентичность проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных и насильственных действий против другой группы и даже геноцида [100].

В результате серии экспертных оценок и пилотажных исследований были отобраны 30 суждений – индикаторов, интерпретирующих конец фразы: «Я – человек, который...». Индикаторы отражают отношение к собственным и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического взаимодействия.

В тесте Солдатовой выявляющей тип этнической идентичности вопросы имели прямой характер (приведён в приложении В). Большое число респондентов ответили на них так, что по шкале «норма» получили по 20 баллов. Причины таких ответов: 1. Реальное позитивное отношение к своей этнической идентичности; 2. Шаблонность ответов продиктована установками, распространёнными в обществе политическими институтами; 3. Демонстративность вопросов вызывает ответные вопросы социально приемлемого характера так как опрос проводил преподаватель вуза.

Тест «Кто Я?» был разработан в 1954 году Манфредом Куном и Томасом Макпартлендом для изучения образа своего собственного «Я» с целью нахождения стандартизированного способа измерения самоотношения посредством приписывания себе ролевых позиций в социальном взаимодействии.

Вопрос «Кто Я?» напрямую связан с характеристиками собственного восприятия человеком самого себя, то есть с его образом «Я» или Я-концепцией. В данной работе тест используется для изучения ролевого аспекта идентичности личности [94].

Дж. Мид, определил два типа идентичности: осознаваемую и неосознаваемую. Наличие осознанной идентичности означает осмысленное отношение к своему образу «Я», а также дает человеку определенную свободу выбора тактики поведения. Переход от неосознанной идентичности к осознаваемой возможен при помощи рефлексии.

Авторы теста выделяли четыре класса идентификаций: физическое Я, социальное Я, рефлексивное Я и трансцендентальное Я. В данной работе для анализа ответов респондентов мы используем шесть шкал:

«социальное Я» (гендерная, семейная, профессиональная, этническая групповая и мировоззренческая принадлежность),

«коммуникативное Я» (самоопределения, отражающие специфику общения с другими),

«физическое Я» (внешние данные, привычки),

«материальное Я» (самоописание через принадлежащие индивиду предметы, отношение к среде),

«рефлексивное Я» (личностные качества, эмоциональное отношение к себе, экзистенциальные характеристики «Я»),

«перспективное Я» (семейная, профессиональная, материальная и другие виды перспектив).

Категории ответов касаются двух основных сфер: социальных ролей и личностных черт. Социальные роли, это объективные аспекты (например, студент, сын, дочь, брат, сестра). Такие «факты» могут быть проверены другими. Черты характера более зависят от точки зрения на то, что мы думаем, чем мы можем отличаться от того, как нас видят другие

Выбор методики «Кто Я» обусловлен её прямым предназначением в исследовании идентичности личности. Однако, по мнению ряда исследователей, прямое требование теста – рассказать по 20 пунктам о себе, обычно провоцирует на социально одобряемые ответы о себе. Соответственно в большей мере будет отражаться не переживаемая, а предъявляемая идентичность. Такое влияние человека на информацию о себе, И. Гоффман называет «политикой идентичности». Данное обстоятельство должно учитываться при проведении качественного анализа полученных ответов.

2.4 Апробация техники репертуарных решёток Келли в исследовании идентичности личности

В последовательность исследовательских действий было включено пилотажное исследование, поскольку вопрос «задавать» или «выявлять» элементы, до сих пор вызывает сильные споры у исследователей. Если респондент задействует конструкторы, ориентируясь только на лица из заданного экспериментатором репертуарного списка, то это ограничивает значение и ценность результатов исследования. Исходя из актуальности и проблемы исследования, необходимо было выявить, как человек интерпретирует свой окружающий мир и смоделировать такой вариант теста, где бы предварительно были выявлены, но не заданы элементы репертуарного списка [106].

Пилотажный этап исследования проводился с 2007 г. по 2009 г. в Республиканском научно-практическом центре «Дарын» (г. Алматы, Казахстан) и в Павлодарском государственном педагогическом институте (г. Павлодар, Казахстан). Была проведена апробация Техники репертуарных решёток Келли, в которой приняли участие 208 преподавателей и 110 учащихся школ. Всего 318 человек. Цель пилотажного исследования заключалась в определении элементов репертуарного списка для исследования идентичности личности в условиях полиэтнического общества. В построенной нами модификации теста Келли в

ролевой список были включены лица и целые группы из непосредственного окружения респондента «социометрические» лица, национальности, профессии, религиозные группы – потенциальные элементы идентификации личности студентов, составляющие необходимый контекст исследовательской проблемы.

Дж. Келли после проведенной им серии эмпирических исследований пришёл к выводу, что 19-20 элементов в списке достаточно для выявления системы конструкторов. Увеличение числа элементов свыше рекомендуемого количества, не делает систему чувствительнее или презентативнее, т.к. испытуемые начинают обычно повторять уже использованные конструкторы.

Американский психолог С. George Boeree (1998), рекомендовал придерживаться следующих правил при составлении репертуарного (ролевого списка) [141]:

1. Элементы должны быть конкретными - люди, предметы, события, мероприятия и т. д., а не абстрактны.
2. Элементы должны быть дискретными, не дублировать друг друга (как может получиться, если использовать например, прилагательные).
3. Элементы должны быть однородными, то есть в диапазоне некоторой широкой категории. Не надо, например, смешивать людей с вещами.

В нашем исследовании было задано 20 социометрических позиций. Ориентиры для проведения структурированного интервью, (так называли ТРР в Банистер) были определены исследованиями идентичности Э. Эриксона, А. Ватермана, в которых были условно обозначены сферы жизни и значимые объекты идентификации личности, такие как: религия, профессия, политика, социальные роли. Было предложено заполнить список конкретными объектами из реальной жизни студентов. При затруднениях допускалось использовать виртуальные образы или объекты взаимодействия, о которых имеются только определённые представления (к примеру, хиппи, индейцы, американцы и пр.) В последнее время за рубежом появились исследования, где в ролевой список входят не только люди, но и неодушевлённые объекты. Так же как один из

вариантов, применялись методы группового опроса для достижения «общей групповой картины».

Согласно теории Келли, в контекст должны включаться разнополюсные отношения (хороший, плохой типичный, идеальный и т. п.).

В итоге стимульные позиции выглядели следующим образом:

1. Я по национальности:
2. Я считаю представителей этой национальности близкими к моей национальности:
3. Самыми отдаленными для меня являются представители этой национальности:
4. Идеальная профессия:
5. Моя профессия:
6. Если бы мне нужно было выбрать религию, я выбрал бы эту:
7. Я считаю представителей этой социальной группы ненужными обществу:
8. Я считаю представителей этой группы идеальными людьми:
9. Счастливые люди:
10. Несчастливые люди:
11. Хороший учитель бывает:
12. Плохой руководитель бывает:
13. Представители этой группы мне симпатичны
14. Представители этой группы мне не симпатичны
15. Считаю этих людей представителями культуры
16. Считаю этих людей малокультурными
17. Образованные люди
18. Не образованные люди
19. Дружелюбные люди
20. Не дружелюбные люди

Национальные группы – «казахи» и «русские» – в ролевом списке рассматривались как элементы, связанные с этнической идентичностью личности студентов.

В предъявленном списке заведомо не было элементов, которые вызывают явно шаблонные ассоциации или крайне полярные оценки, так же как и не было нейтральных персонажей, во избежание большого числа стереотипов и «непрозрачных» конструкторов в терминах Франселла и Банистер. Во время пилотажного исследования студенты испытывали затруднения в определении репертуарного списка и вербализации конструкторов, особую сложность представляло обнаружение связи между значением и смыслом вербализованных конструкторов. Непривычным для большинства был формат репертуарного теста, т.к. процедура исследования отличается от привычных и ранее известных форм психологической диагностики.

Зафиксировалось следующее наблюдение: лица, упомянутые в тесте, являются прототипами тех, с кем, возможно, испытуемые поддерживают общение в повседневной жизни. Образцы конструкторов, используемых только для отдельных людей, которых испытуемые редко встречают, не столь ценны для понимания того, как испытуемые интерпретируют большинство людей, с которыми они регулярно общаются. Предполагалось, что чем сильнее взаимосвязь между атрибутом, например, историческим событием и национальностью, тем меньше времени требуется для извлечения информации из памяти. Другими словами, чем более сильной оказывается ассоциативная связь между атрибутами, тем более определенным оказывался выявленный элемент ролевого списка.

Число использованных конструкторов не ограничивалось для увеличения возможности более точного исследования уникальной составляющей идентичности личности. Особенности процесса сравнения, нахождения сходства и отличий, в результате чего вообще и образовывался личностный конструктор, а

так же процедура заполнения решёток, напрямую зависели от уровня когнитивной сложности испытуемых и осознанного личного опыта.

Учитывая данное обстоятельство, допускалось оказание помощи студентам при затруднениях в формулировке понятий. Но нахождение ассоциаций по сходству или отличию мы полностью возлагали на испытуемых, так как этот процесс сильнее зависел от личного восприятия и осмысленности действительности. Подобное поведение подтверждает ряд предположений о присутствии в психике человека неосознанных отношений и смыслов. Если А.Н. Леонтьевым смысл понимается исключительно как продукт сознания, то многими современными исследователями, смысл понимается не только как феномен сознания, но и как феномен бессознательной психики. В наших наблюдениях, были зафиксированы затруднения при заполнении решёток на всех этапах. Объекты, которые находились за пределами сознания и опыта испытуемых, воспроизводились с помощью других, но это не означало, что данных социальных идентификаций не существовало у них в принципе. Преимущественно быстрее находят ассоциации, но с трудом передают их значение в словах испытуемые мужского пола, тогда как испытуемые женского пола меньше затрудняются в вербализации конструкторов.

Степень осознанности точно определяет В.Н. Мясищев «...наиболее развитое отношение осознано и мотивировано». Данные положения были руководящими в проведении качественного анализа смысловых аспектов, конструкторов нашей модели исследования.

Мы получили эталоны категориальной структуры индивидуального сознания, на основе которой происходит классификация индивидом объектов, понятий, событий, профессий, социальных ролей, которые подвергаются качественному и статистическому анализу, включающему кластерный анализ. Большой массив данных подвергался в начале качественной обработке, а позже статистическому анализу

Первоначально в статистической обработке нами использовался метод главных компонент, в последующем мы стали использовать пакет программ STATISTICA 8.0

В теории – Келли конструкт – это не просто аспект значения. Это самостоятельное смысловое образование – способ дифференциации объектов. Возникнув на одних элементах, он может быть распространён на другие элементы [32, 108].

При обсуждении конструктов и возможности их изменения, более отчетливо проглядываются уникальные человеческие качества, которые определяют состояние интеграции и функционирования идентичности. Данное условие открывает перспективы для успешной практики формирования познавательного опыта у студентов. В итоге были выделены следующие структурные компоненты исследования конструктивно-смысловых аспектов идентичности: содержательный компонент (характеристики, определяющие уникальность личности и ценностно-смысловые аспекты личности.); статусный компонент (положительные или отрицательные оценки особенностей, ситуаций, личностей); хронологический компонент (развитие идентичности в субъективном времени её тождественность и интегративность).

Таким образом, анализ процессов объективации включает в себя изучение возможностей вербализации, словесных обобщений, а также основных принципов осмысления реальности как структуры с более или менее стабильными моделями и характеристиками. Другими словами, речь идет о принципах, формах и методах семантической (смысловой и символической) представленности действительности в сознании.

Глава 3. Сравнительный анализ смысловых аспектов идентичности студентов казахской и русской национальности

В главе представлены результаты многомерного анализа личностной идентичности выраженной в системе личностных конструкторов.

Личностные конструкторы, выражают смысловые аспекты идентичности, с присущими для них функциями контроля, регуляции и прогнозирования деятельности и осуществляемые как непрерывный процесс. Представлены результаты исследования смыслов идентичности на основном этапе исследования. Излагается процедурная схема анализа исследуемых процессов и явлений. Выстраивается модель идентичности с использованием статистической обработки в пакете программ STATISTICA 8.0. Данное исследование проводилось на основном этапе с 2009 по 2013 год.

3.1 Тематические образования как смысловые аспекты личностных конструкторов

Первый этап анализа выявленных конструкторов состоял в определении инвариантных смысловых категорий объектов идентификации и выраженных в системе личностных конструкторов студентов.

В пилотажном исследовании мы задались задачей обеспечения ролевого списка, который будет «работать» на наши цели исследования и занимались «примеркой» способов интерпретаций выявленных систем личностных конструкторов, поскольку в психологии на сегодняшний день имеется широкий арсенал разнообразных качественных и количественных обработок решёток Келли [109, 170, 203]. Необходимо было подойти к решению поставленных задач, учитывая сложность рассматриваемого феномена, с точки зрения различных уровней и порядков.

Исходя из задачи и гипотезы исследования – выявление смысловых аспектов идентичности выраженных в личностных конструктах – были вычленены инвариантные признаки в ходе контент-анализа, затем производилась свертка пространства признаков методами кластерного анализа и анализа таблиц сопряженности.

Конструкты мы определяли путем сравнения триад и нахождения двух полюсов в соответствии с приложением Г. Конструкт, – согласно теории Келли мы рассматривали как некоторую ось, относительно которой располагаются подмножества элементов, количественно связанных с конструктом [109]. Контент-анализ позволил выявить группы номинаций с единым психосемантическим пространством, т.е. установить смысловые эталоны, которые были объединены в темы. По содержанию темы-признаки представляли собой характеристики способностей к определенной деятельности, черты характера, исторические события, внешние признаки, одежду, этнические особенности и пр.

Как единицы анализа рассматривались: а) слова б) предложения в) темы г) персонажи д) социальные ситуации. Признаком подлинности конструкта является его неоднократное применение в сравнении значимых объектов. Для анализа идентичности личности отбирались конструкты с понятным значением.

В итоге всего при помощи контент-анализа было выделено 178 номинаций, которые были разделены на 17 тем, в соответствии с их смысловой направленностью.

Т 1 Религия: принадлежность к определенной религии; уровень религиозности; схожесть по признаку принадлежности к религии.

Т2 Исторические события, прошлое: приверженность к коммунистической идее, общность исторического прошлого; братские страны; тесные отношения на протяжении долгого времени; общность территориальных границ; «СССР».

Т3 Расовые признаки: азиаты; европейцы; схожесть по признаку принадлежности к расе; вырез глаз, схожесть по признаку внешней схожести.

T4 Самобытные качества: уникальное искусство; национальность; уникальная культура; питаются насекомыми; «любят выпить» (алкоголь); приезжие (чужестранцы); кочевники; курят травы; оралманы; свободолюбивые; иностранцы; схожие культуры; любят лошадей.

T5 Определённые способности: лекари, врачи; квалифицированные специалисты; политики и дипломаты; бизнесмены; госслужащие; учителя; скотоводы.

T6 Черты характера: дружелюбные; ответственные; хитрые; пунктуальные; помогают ближнему; работоспособные; «раздолбаи»; гордые; наглые; справедливые; «обманщики»; патриоты.

T7 Творческие способности: русские художники; творческие люди; японцы художники.

T8 Жизненный стиль и манеры: манеры; идеалистические; серьёзные люди; странные; любят деньги; престиж; бедный народ; все для себя; стиль общения; понимание музыки; любят природу; радость в жизни; любят свое дело.

T9 Предпринимательские способности: бизнес.

T10 Образованность: образованные; высокая культура.

T11 Одежда, стиль: одежда; стиль.

T12 Положение в рейтинге экономического развития: развитая страна; развитая техника; «Европа», цивилизованные.

T13 Язык общения: увлекательный язык общения.

T14 Карьера, власть: власть; высокий доход; карьера.

T15 Количественное преимущество: большинство из них живут в селе; есть много нефти; много (большое количество людей).

T16 Умственные способности: умные.

T17 Национальная кухня: национальная кухня

Из 17 полученных методом кластерного анализа тем самими «присваиваемыми конструктами» являются «Религия» (таблица 3),

«Исторические события, прошлое» (таблица 4), «Расовые признаки» (таблица 5), «Самобытные качества» (таблица 6), «Определенные способности» (таблица 7).

Как системные определены конструкты, которые, были актуализированы испытуемыми студентами более чем в десяти позициях в темах «Самобытные качества», «Черты характера» и «Жизненный стиль и манеры». Это наиболее задействованные конструкты в студенческой среде. Во всех темах встречается градации «ноль» – то есть отсутствие каких-либо ассоциаций по данной тематике. Больше всего ассоциаций связано с темой «Религия».

Таблица 3 – Частотное распределение Т1 «Религия» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	45	27	52
ислам – христианская вера	45	33	78
религиозные – атеисты	9	24	33
схожие религии – различные религии	3	6	9
христианская вера - ислам	6	0	6
всего	108	90	198

Хи-квадрат: 6,2 с уровнем значимости $p=0,18$

Анализ наблюдений значимых частотных распределений смысловой содержательности тематик показал следующие тенденции для исследования идентичности:

Тематика «Религия» задействовалась более других. Конструкты «религия» и «религиозность», согласно типологии определенной Келли, относится к предполагающему типу, тогда как конструкты «ислам», «схожие религии», «христианская вера» относятся к упреждающим конструктам, т.к. не выражают отношения и являются в данном контексте шаблонами.

Тематика «религия» в самоидентификации и автостереотипах русских представлена гораздо сильнее, чем у студентов казахской национальности. Конструкт «религиозный» задействован и соответственно осмыслен в два с

половиной раза чаще у студентов русской национальности, чем в выборке студентов казахской национальности.

На второй позиции, по частоте упоминания оказались конструкты из тематики «Исторические события, прошлое». Испытуемые одинаково часто задействуют конструкты проявляющие личностную рефлексия исторического прошлого в контексте межнациональных и межгосударственных отношений, прописывая в решётках конструкты «коммунисты», «СССР». Казахи чаще, чем русские упоминают «общую территорию и общую границу» (таблица 4).

Таблица 4 – Частотное распределение Т2 «Исторические события, прошлое» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	39	36	75
были коммунистами - хиппи	18	18	36
объединяет история – разъединяет история	6	3	9
братские народы – вражеские народы	3	3	6
общие интересы – различные интересы	12	12	24
общая территория - отдельная территория	21	9	30
СССР	9	9	18
всего	108	90	198

Хи-квадрат 1,4 с уровнем значимости $p=0,9$

В тематике «Расовые признаки» (таблица 5) все конструкты относятся к упреждающим, поскольку, разделение по национальному и расовому признаку в макросреде обычно носят предвзятый характер. В элементах репертуарного списка не было контекстуальных ограничений в представленности национальностей и социальных групп и профессий.

В большинстве случаев в данной тематике смыслы определялись конструктами «европеец», «схожая внешность», которые у студентов казахской

национальности встречается чаще. А у русских гораздо чаще упоминается только «схожая внешность».

Таблица 5 – Частотное распределение тематики ТЗ «Расовые признаки» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	51	36	87
азиаты - европейцы	3	3	6
схожая внешность – различная внешность	24	30	54
глаза (часть тела, однополярная формулировка)	9	6	15
европейцы - азиаты	15	0	15
расовые отличия – расовые сходства	6	15	21
всего	108	90	198

Хи-квадрат: 8,9 с уровнем значимости $p=0,17$

В тематике «Самобытные качества» наиболее задействованными являются конструкты «национальность» – 16% казахов и 10% русских указали данную номинацию (таблица 6). Конструкт «национальность», согласно терминологии теории личностных конструктов является упредительным (предпозиционным). Все остальные ассоциации этой тематики распределены равномерно.

Конструкты «любят выпить», «любят чай», «едят насекомых», «любят лошадей», «кочевники» носят субъективную причину происхождения, и относятся к предполагающему виду конструктов. При анализе данной тематики, обнаруживается, что конструкты «курят траву», «любят чай», «оралманы» были выражены студентами русской национальности относительно других национальностей. Конструкты «свободные люди», «едят насекомых», выделили студенты казахской национальности, относительно других национальностей. В двух группах были отмечены конструкты «любят выпить», «кочевники», «национальность», «уникальная культура», «уникальное искусство».

Идентификация осмысливается посредством уникальных физиологических или поведенческих характеристик. Идентичность есть одно из условий существования индивидуальности, которая поддерживает функции самотождественности, а значит и идентичности. Предполагающие конструкты тематики «самобытные качества» имеют большую информацию об объектах идентификации, т.к гипотетически заключают в себе уникальный опыт личности испытуемых студентов, хотя не исключаются подражательные мотивы, которые имеют место быть в молодёжной среде.

Таблица 6 – Частотное распределение Т4 «Самобытные качества» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	39	48	87
русские «любят выпить» - русские «любят трезвость»	3	3	6
приезжие – аборигены	6	0	6
уникальное искусство – современное искусство	9	6	15
кочевники - оседлые	3	3	6
курят травы – не курят травы	0	3	3
сходство национальных обычаев – различия в национальных обычаях	0	3	3
любят чай – не любят чай	0	3	3
оралманы - аборигены	0	3	3
свободные люди – не свободные люди	6	0	6
национальность – космополитизм	18	9	27
уникальная культура – распространённая культура	3	6	9
едят насекомых – не едят насекомых	9	0	9
схожие культуры – различные культуры	3	0	3
иностранцы - соотечественники	3	3	6
любят лошадей – не любят лошадей	6	0	6
всего	108	90	198

Хи-квадрат 15,4 с уровнем значимости $p=0,42$

В тематике «Определённые способности» у студентов обеих национальностей гораздо чаще остальных градаций встречается конструкт «хорошие врачи и лекари» его использовали $\frac{1}{4}$ часть испытуемых. Все конструкты данной группы относятся к констелляторному виду. Все остальные конструкты «квалифицированные», «учителя», «сфера деятельности», «скотоводы», «военные», «политики», «госслужащие» представлены без особых различий по национальному и демографическому признакам (таблица 7.).

Таблица 7 – Частотное распределение тематики Т5 «Определённые способности» по тесту Келли

Конструкты	национально		все го
	к азах	русс.	
0	5 1	4 2	93
квалифицированные специалисты – не квалифицированные специалисты	1 2	6	18
учителя (профессия, однополярная формулировка)	3	4	7
лекари, врачи (профессия, однополярная формулировка)	2 1	2 1	42
сфера деятельности (абстрактное понятие, однополярная формулировка)	6	0	6
скотоводы (профессия, однополярная формулировка)	0	3	3
военные (профессия, однополярная формулировка)	0	3	3
политики, дипломаты – простые люди	6	5	11
госслужащие – частные предприниматели	9	6	6
Всего	1 08	9 0	198

Хи-квадрат 5,1 с уровнем значимости $p=0,81$

В тематике «Черты характера» ни одна черта из множества упоминаемых разными испытуемыми не является превалирующей, то есть у всех главным образом свои индивидуальные ассоциации на основе уникального жизненного

опыта (таблица 8). Предпочитаемые конструкты в этой тематике «дружелюбные» и «хитрые», оба конструкта относятся к констелляторному виду. Конструкты «дружелюбные», «пунктуальные» предпочитают задействовать студенты казахской национальности.

Таблица 8 – Частотное распределение Т6 «Черты характера» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	51	60	111
хитрые – общительные	6	3	9
пунктуальные – не точные	9	0	9
наглые, гордые – скромные, стыдливые	3	0	3
патриоты – не патриоты	3	0	3
дружелюбные - враждебные	15	9	24
обманщики - порядочные	0	3	3
справедливые - незаконные	0	3	3
ответственные - безответственные	6	3	9
помогают ближнему – не помогают ближнему	6	3	9
раздолбаи - педанты	0	3	3
ответственные - безответственные	0	3	3
пунктуальность – не точность	6	0	6
работоспособность - ленивый	3	0	3
всего	108	90	198

Хи-квадрат: 13,3 с уровнем значимости $p=0,4$

В тематике «Творческие способности» 33% казахов упоминают русских художников, тогда как у русских студентов данная ассоциация присутствовала в два раза меньше. Но 6% студентов из русской национальности определили японцев как художников. Данные конструкты являются предполагающими, потому что являются результатом рассуждений и указывают на свободную направленность кругозора. Конструкт «творческие способности» так же

задействован в данной тематике и определен нами как упреждающий, поскольку студенты не могли сформулировать и развить значение этого конструкта, что свидетельствовало о его стереотипном или не всегда осознанном, а значит неосмысленном характере (таблица 9).

Таблица 9 – Частотное распределение Т7 «Творческие способности» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	57	5	114
русские художники – японские художники	36	18	54
творческие люди – не творческие люди (разрушитель - креатив)	15	9	24
японцы художники – русские художники	0	6	6
всего	108	90	198

Хи-квадрат 3,9 с уровнем значимости $p=0,26$

В тематике «Жизненный стиль и манеры» наблюдается относительно большое число конструктов без заметного преобладания какой-то одной ассоциации, что свидетельствует об отсутствии единогласия в понимании данного смыслового образования, выражающегося в большом диапазоне личностных конструктов студентов. В данной тематике представлены все виды конструктов по типологии (упредительные, констелляторные, предполагающие) Келли (таблица 10) .

Таблица 10 – Частотное распределение Т8 «Жизненный стиль и манеры» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	60	60	120
странные - обычные	3	6	9
манеры – отсутствие манер	12	3	15
серьёзные люди – легкомысленные люди	9	0	9
бедный народ – богатый народ	0	3	3
радость в жизни – горе в жизни	0	3	3
любят своё дело – не любят своё дело	3	0	3
идеалистические - материалистические	6	6	12
всё для себя - альтруисты	3	0	3
любят деньги - идеалисты	6	0	6
престиж – не уважение	3	3	3
стиль общения (однополярная формулировка)	0	3	3
любят природу – офисные люди	0	3	3
понимание музыки – не понимание музыки	3	0	3
всего	108	90	198

Хи-квадрат 13,7 с уровнем значимости $p=0,4$

В тематике «Предпринимательские способности» были задействованы номинации «бизнес» и «бизнесмены». Студенты казахи чаще обращались к данному конструкту. Всего 54% казахов задействовали этот конструкт, и 33% русских студентов обратилось к этим конструктам. Конструкты относятся к упреждающему типу, так как ассоциации не развернутые и представлены однотипно в виде двух конструктов, выраженных без представления альтернативного полюса. В связи с относительно небольшим временем появления бизнес отношений в нашей стране, данный конструкт выражается стереотипно и малоосмысленно студентами педагогического вуза, чаще с негативным оттенком (таблица 11).

Таблица 12 – Частотное распределение Т9 «Предпринимательские способности» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	54	60	114
бизнес (абстрактное понятие, однополярная формулировка)	45	27	72
бизнесмены (профессия, однополярная формулировка)	9	3	12
всего	108	90	198

Хи-квадрат: ,96 с уровнем значимости $p=0,32$

В тематике «Образованность» представлены два конструкта «высокая культура» и «образованные». Номинацию «высокая культура» казахи упоминают в два раза чаще русских, тогда как русские больше обращаются к конструкту «образованные». Конструкты этой группы относятся к констелляторному и упреждающему типу (таблица 12).

Таблица 12 – Частотное распределение T10 «Образованность» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	84	63	147
высокая культура – низкая культура	12	6	18
образованные – не образованные	12	21	33
всего	108	90	198

Хи-квадрат 2,3; с уровнем значимости $p=0,7$

В тематике «Одежда, стиль» конструкт не содержит противоположного полюса, тем не менее, уровень его осмысления принимается как отрефлексированный, т.к. попытка создание такого полюса приводит к обесмысливанию этого конструкта. Рассматриваемый конструкт равномерно упоминается у студентов обеих национальностей. Единственный конструкт, в этой тематике, может быть отнесен к предполагающему (например, индейцы и японцы отражают сословные различия в национальной одежде) и констелляторному типу (например, госслужащие и дипломаты ходят в похожих костюмах) (таблица 13).

Таблица 13 – Частотное распределение T11 «Одежда, стиль» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	84	69	153
одежда и стиль (максимально однополярная формулировка)	24	21	45
всего	108	90	198

Хи-квадрат 0,01 с уровнем значимости $p=0,9$

В тематике «Уровень экономического развития» казахи чаще упоминают «развитость страны», при этом не имеется развернутых объяснений данной

ассоциации, поэтому данный конструкт отнесли к упреждению. Более опосредованные ассоциации выражались конструктами «развитая техника», «цивилизованные», поэтому были отнесены к предполагающим (таблица 14).

Таблица 14 – Частотное распределение T12 «Уровень экономического развития» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	8	75	156
развитая страна – отсталая в развитии страна	15	3	18
развитая техника, современные – не актуальные	6	3	9
«Европа» - «Азия»	3	3	6
цивилизованные – не цивилизованные	3	6	9
всего	108	90	198

Хи-квадрат: 2,8 01 с уровнем значимости $p=0,5$

В тематике «Язык общения» статистически равномерное распределение всех градаций у обеих национальностей. Конструкт «увлекательный язык – нудный язык» используется в двух группах равномерно, и отнесён к предполагающему конструкту (таблица.15).

Таблица 15 – Частотное распределение T13 «Язык общения» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	90	69	159
увлекательный язык – нудный язык	18	21	39
всего	108	90	198

Хи-квадрат 0,45 с уровнем значимости $p=0,5$

Тематика «Карьера и власть» актуализировалась в ассоциациях русских сильнее и выражалась в конструктах «высокий доход», «карьера», «власть». По смысловому содержанию у них определяется противоположный полюс, т.к. данные конструкты в отличие от менее осмысленных конструктов «бизнес», «бизнесмены», существуют в сознании людей более продолжительное время и определяются в самостоятельную тему. Конструкты этой тематики относятся к трём типам конструктов (упредительный, констелляторный, предполагающий) (таблица 16).

Таблица 16 – Частотное распределение Т14.«Карьера, власть» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	99	60	159
высокий доход – низкий доход	0	6	6
карьера – застой продвижения	3	9	12
власть - подчинение	6	15	21
всего	108	90	198

Хи-квадрат 6,9 с уровнем значимости $p=0,07$

В тематике «Количественное преимущество» казахи в описании элементов чаще оперируют конструктом «их много» (таблица 17).

Различие больших и малых групп важно не само по себе, а потому что с ними связаны различия внутри и между собой. Эти различия передаются в часто употребляемых категориях в упредительных конструктах «основное население Казахстана», «их много» или констелляторных конструктах «живут в селе», «у них много нефти». Данные конструкты основываются на опосредованных в большей мере ролевых отношениями на макроуровне и часто носят эмоционально отчужденный характер.

Таблица 17 – Частотное распределение Т15 «Количество» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	87	72	159
их много – их мало	9	5	14
у них много нефти – у них нет нефти	3	0	3
живут в селе – живут в городе	9	7	16
основное население РК – не основное население РК	0	6	6
всего	108	90	198

Хи-квадрат: 5,16 Хи-квадрат 6,9 с уровнем значимости $p=0,5$

В тематике «Умственные способности» русские значимо чаще (всего 30%), чем казахи, (всего 8%) упоминают признак «умные». Конструкт «умные» носит ситуативный характер и сильно привязан к контексту, поэтому мы отнесли его согласно теории Келли к констелляторному виду. (таблица 18).

Таблица 18 – Частотное распределение Т16 «Умственные способности» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	99	63	162
умные - глупые	9	27	36
всего	108	90	198

Хи-квадрат 5,16 с уровнем значимости $p=0,02$

Тематика «Национальная кухня» больше присутствует у русских, её применение обусловлено интересом к национальной еде других этнических групп. Всего 16% с русских задействовали эту номинацию, тогда как у казахов она упоминается у 6 % студентов. Конструкт, который представляет самобытность каждой этнической группы в применении продуктов, ингредиентов и т. п., а так же способах приготовления пищи, не был распределен

в тематику «самобытные качества», так как его смысловая нагрузка выражается через упредительные конструкты, и имеет своё отдельное место в человеческой культуре вообще (таблица 19).

Таблица 19 – Частотное распределение Т17 Национальная кухня» по тесту Келли

Конструкты	национальность		всего
	казах	русс.	
0	102	75	177
национальная кухня (максимально однополярная формулировка)	6	15	21
всего	108	90	198

Хи-квадрат 2,1 с уровнем значимости $p=0,1$

Показатели когнитивной сложности определялись по количеству и способу образования выраженных конструктов (упредительные, констелляторные, предполагающие) у каждого испытуемого. Исходя из разброса значений от 2 до 17 тем, условно считаем, что 2-6 тем-признаков соответствуют низкому потенциалу когнитивной сложности, 6-13 – среднему, 14-17 – высокому. По этому критерию в выборке преобладают респонденты со средним уровнем когнитивной сложности.

3.2 Кластерный анализ смысловых аспектов идентичности личности студентов в системе личностных конструктов студентов

Кластеризация конструктов проводилась по признакам-тематикам и по способам образования конструктов (упреждающий, предполагающий, констелляторный).

Для проведения анализа мы использовали классификацию предложенную самим Келли. Он разделял конструкты условно на три типа: упредительные,

констелляторные, предполагающие. Была проведена кластеризация конструктов по признакам-тематикам и кластеризация по способам образования конструктов.

Отношение к социальной роли, повторяющееся в ряде сравнений, где встречается определённая роль, группа, профессия (репертуарный персонаж), определяется упредительным конструктом, к примеру, обозначение «пунктуальный» или «аккуратный» было задействовано неоднократно студентами казахской и русской национальности при сравнении элементов в триадах, на одном из полюсов которого возникало название этнической группы «немцы». В выборке студентов данный способ образования конструкта явился самым предпочитаемым, большее количество конструктов создавались при помощи стереотипов и очерчивались рамками определённого диапазона.

Констелляторные конструкты (от англ. слова constellation – созвездие) создаются в зависимости от определённого контекста. Это конструкты известным образом связываются с другими конструктами, и несмотря на разность в оценках, отличаются фиксированностью и шаблонностью оценок. От упредительных отличаются тем, что меняются в зависимости от области применения. В констелляторном конструкте элементы могут одновременно принадлежать другим областям, но они постоянны в составе своей сферы. То есть если явление относится к какой-то категории одного конструкта, другие его характеристики фиксированы. К примеру, испытуемые студенты часто образовывали констелляторные конструкты через объединение в один полюс элементов «казахи» и «русские» по признаку «советский народ» напротив персонажа-группы «японцы». При сравнении элементов в триаде «казахи» - «японцы» - «хиппи» – первые два элемента уже объединялись в один полюс конструктом «азиаты», и т. п. Констелляторные конструкты в выборке студентов по частоте привлечения стоят на втором месте после упреждений.

Предполагающий конструкт прямо противоположен упредительному и констелляторному, так как он позволяет человеку быть открытым для нового опыта и принимать альтернативную точку зрения на мир. В этом случае

трактовка кого-то является настолько предполагающей, что другие его личные качества не вытекают из нее. Следовательно, предполагающее мышление – гибкое мышление. Индивидуум открыт для нового опыта и может изменять существующие конструкторы. В сочетаниях, где большинство людей выдаёт шаблонные и ставшие стереотипными представления, предполагающие конструкторы выглядят не просто оригинально и ново, но и имеют смысловую нагрузку. К примеру, если студенты в триаде: «японцы» - «сельские жители» - «коммунисты», обращают внимание только на японцев и без осознанной смысловой связи задействуют конструктор «тамагочи», мы не можем отнести его к предполагающему конструктору, не смотря на кажущуюся оригинальность. В то же время если интервьюируемый объединит, к примеру, элементы «японцы» и «коммунисты» с выделением конструктора «исключительные принципы», объяснив возникновение этой ассоциации, как признание японцев националистами и коммунистов высокоидейными, тогда мы отнесём этот конструктор к предполагающему.

Дж. Келли, размышляя о способах создания конструкторов, не говорил о продуктивности или преимуществах того или иного типа конструктора в жизнедеятельности человека, но подчёркивал принципиальное значение уместности или неуместности применения того или иного способа интерпретации в определённой ситуации. При этом он приводит пример, что предполагающие интерпретации неприемлемы во время спортивных игр и наоборот полезны в творческих профессиях. Упреждение может сыграть отрицательную роль в ситуации межличностного восприятия особенно при первом знакомстве и положительную в ситуации дорожно-транспортного происшествия, когда знания, умения и навыки вождения позволяют человеку сиюминутно принять верное решение. Для описания отношений между конструкторами (горизонтальных отношений) применяются как простые оценочные и более сложные виды решёток. Нахождения подобных связей создало бы излишнюю громоздкость количественных данных, которые

пришлось бы значительно свернуть, что влечёт к рискам искажения результатов исследования. В анализ кластерной структуры были включены 17 тем, выделенные из ответов респондентов. Кластерный анализ испытуемых позволяет выделить два различающихся кластера.

Для испытуемых в кластере 1 (126 человек) характерно отсутствие всех ассоциаций с темой «Самобытные качества», кроме конструкта «уникальное искусство». Наиболее задействованные темы: «Расовые признаки», «Умственные способности», «Одежда, стиль», «Язык общения», «Образованность», «Уровень экономического развития». Для испытуемых в кластере 2 (72 человека) характерно сравнительно равномерное распределение всех конструктов темы «Самобытные качества», множественные ассоциации с темой «Черты характера» и «Национальная кухня». Частично задействована тема «Уровень экономического развития». Темы: «Расовые признаки», «Умственные способности», «Одежда, стиль», «Язык общения», «Образованность» – присутствуют слабо в соответствии с рисунком 1. Самый большой диапазон конструктов, содержится в темах «Самобытные качества», «Черты характера» и «Жизненный стиль и манеры». Эти конструкты больше чем другие содержат разнообразные смыслы и значения. Доминирующими темами в обоих кластерах являются «Религия», «Определенные способности», «Исторические события, прошлое», «Самобытные качества». Стремление к тем или иным категориям смысла отдается в зависимости от жизненного опыта и когнитивной сложности личности, эти обстоятельства в свою очередь влияют на показатели принятия риска и самоконтроля в структуре жизнестойкости личности.

Рисунок 1 – Кластерный анализ испытуемых для признаков-тематик по методике Келли

Типологизация испытуемых посредством кластерного анализа по методу К-средних по количественным шкалам-конструктам Келли показала, что различия наблюдаются только по шкалам «Упреждающие конструкты» и «Констелляторные конструкты» в соответствии с рисунком 2.

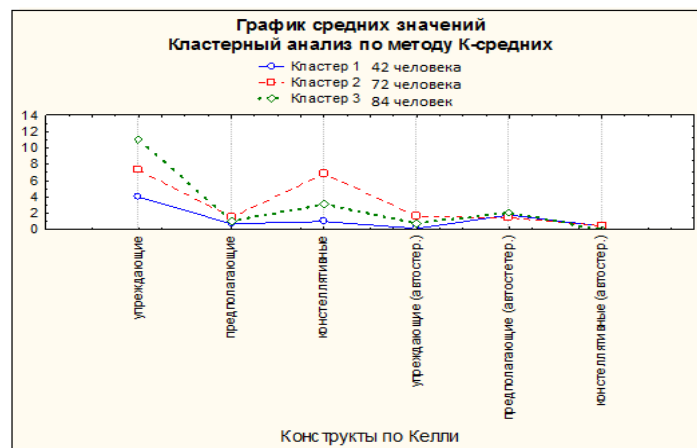

Рисунок 2. – Кластерный анализ испытуемых по методу К-средних для шкал по конструктам Келли

По остальным конструктам различий нет. В кластере 1 (42 человека) упреждающих и констелляторных конструктов меньше. В кластере 2 (72 человека) упреждающих конструктов меньше, чем в кластере 3 и больше, чем в кластере 1, а констелляторных конструктов больше, чем в кластере 3. В кластере 3 (84

человека) упреждающих конструкторов больше чем в остальных кластерах, а констелляторных конструкторов меньше, чем в кластере 2

В Таблице 20 отражена статистическая значимость различий интерпретации кластеров по способу происхождения.

Таблица 20 – Интерпретация различий кластеров по конструктам Келли посредством рангового дисперсионного анализа Краскела-Уаллиса

Конструкты по методике Келли	Средние значения в Кластерах по конструктам			Н-критерий Краскела-Уоллиса	Достигнутый уровень значимости
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3		
упреждающие	4,0	7,3	11,0	45,7	$p = 0,0001$
предполагающие	0,7	1,5	1,0	4,3	$p = 0,1$
констелляторные	1,0	6,9	3,1	47,5	$p = 0,00001$

Корреляционный анализ зависимости шкалы упреждающих конструкторов Келли от возраста выявил прямую корреляцию ($r=0,53$) в соответствии с рисунком 3.

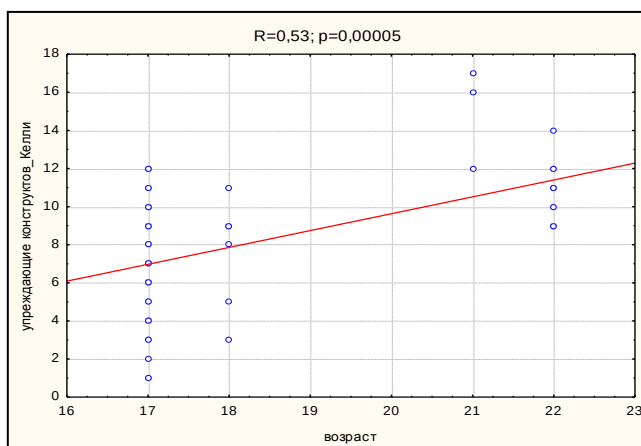

Рисунок 3 – Результаты рангового корреляционного анализа зависимости шкалы упреждающих конструкторов Келли от возраста студентов

Низкий уровень когнитивной сложности выражается в жестких конструктах, дающих излишне фиксированную, ригидную картину мира.

Конструкты, которые испытуемые использовали для описания какого-либо явления, выражали линейное, категоричное отношение к предмету разговора.

Жесткая система характеризовалась узким репертуаром конструктов и их жесткой соподчиненностью. Как правило, они выражались в таких диадах как: «правильно – неправильно», «азиаты – европейцы», «добро – зло», «много людей – мало людей» и т. д.

Основная направленность смысловых аспектов идентичности личности студентов наряду с индивидуальными жизненными контекстами (профессиональное самоопределение, религиозность, личностные оценки, способности), так же содержит и смыслы более широкого социально-исторического контекста (историческое прошлое, развитие экономики, патриотизм, развитие культуры). Развитие гибкости мышления, повышение рефлексии, обуславливают возможность формирования высокого уровня творческого потенциала, необходимого для сохранения целостности личности.

Конструкты формализовались нами в минимальной степени, ровно до тех пор, пока их можно было «уложить» в матричные данные для дальнейшей статистической обработки и сохранили первоначальные акценты вложенных в них значений. Предложенная интерпретация конструктов идентичности позволила нам получить представления о категоризации окружающего мира студентов, а так же обозначить стратегии конструирования социального пространства.

3.3 Взаимосвязь автобиографии со смысловыми аспектами и жизнестойкостью личности

На следующем этапе статистического исследования ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса позволил выявить зависимость отрицательных оценок в биографиях от кластеров конструктов Келли и кластеров жизнестойкости. В первый кластер автобиографических данных вошло 105 человек, во второй 93.

Оказалось, что в Кластере 2 отрицательных оценок больше в соответствии с рисунком 4.

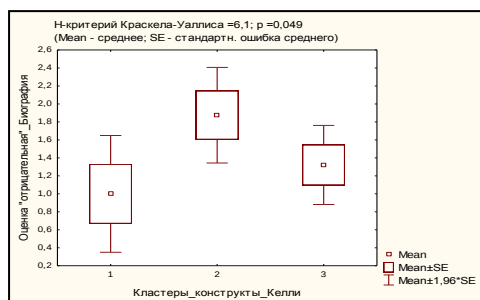

Рисунок – 4. Результаты рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса для выявления зависимости отрицательных оценок в биографиях от кластеров конструктов Келли.

Для шкал по тесту «Кто Я?» проверялась зависимость шкал от принадлежности к Кластерам по другим методикам. Ранговый дисперсионный анализ Краскела- Уоллиса позволил выявить зависимость шкалы «сфера» по тесту «Кто Я?» от кластеров по конструктам Келли в соответствии с рисунком 5.

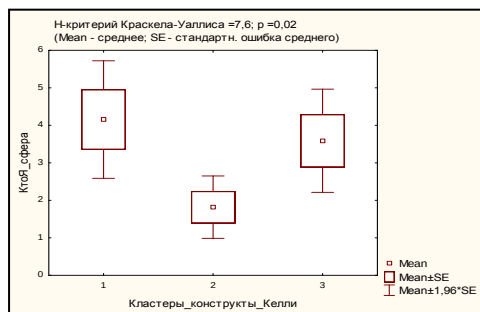

Рисунок – 5. Результаты рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса для выявления зависимости шкалы «сфера» по тесту «Кто Я?» от кластеров конструктов Келли: в Кластере 2

Позитивный характер презентаций образа Я, так же превалирует при исследовании идентичности студентов при помощи методики М.Куна, Т.Макпартленда «Кто Я?». Позитивное самоощущение представляет собой целевое состояние Я, к которому стремятся опрашиваемые в ходе своего индивидуального развития. Двухфакторный дисперсионный анализа (ANOVA) по F-критерию Фишера позволил выявить, что в Кластере 3 по соотношениям конструкторов Келли общее количество конструкторов меньше.

Кластерный анализ испытуемых по методу К-средних для шкал по тесту Мадди позволил выявить два типа испытуемых в соответствии с рисунком 6 . В Кластер 1 входят 96 человека, у которых значения по всем шкалам Мадди ниже. В Кластер 2 входят 102 человека, у которых значения по всем шкалам Мадди выше. В таблице 21, показана статистическая значимость данной интерпретации кластеров по шкалам Мадди с помощью посредством рангового дисперсионного анализа Краскела- Уоллиса.

Рисунок 6 – Кластерный анализ испытуемых по методу К-средних для шкал по тесту Мадди

Таблица 21 – Интерпретация различий кластеров по шкалам Мадди посредством рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса

Шкалы по тесту Мадди	Средние значения в Кластерах по шкалам Мадди		Н-критерий Краскела-Уоллиса	Достигнутый уровень значимости
	Кластер 1	Кластер 2		
Вовлеченность	29,6	41,6	42,90	$p = 0,00001$
Контроль	25,8	33,1	18,9	$p = 0,0001$
Принятие риска	12,8	19,4	25,40	$p = 0,00001$

В соответствии с рисунком 7 определены взаимосвязи кластеров по разным психодиагностическим методикам.

Рисунок 7 – Кластерный анализ взаимосвязи признаков принадлежности к кластерам биографических данных, конструктов Келли с кластерами по шкалам Мадди

Дендограмма на этих рисунках отражает взаимосвязи по ряду шкал и позволяет нам рассмотреть две модели идентичности личности студентов.

Кластер 1 Автобиографии. Наиболее благоприятное сочетание личностно-ситуационных параметров. Для данной группы характерным является высокий вес событий, касающихся принятия новых традиционных в обществе социальных ролей, влекущих за собой изменения социальной среды (школа – учащийся, высшее учебное заведение – студент). Это указывает на стремление

адаптироваться к жизни адекватным образом. Высокая, продуктивность воспроизведения образов прошлого и будущего, в сочетании с широким кругом значимых переживаний.

Кластер 2 Автобиографии. Наименее благоприятное сочетание личностно-ситуационных параметров. Испытуемые данной группы указали наименьшее количество наиболее важных событий жизни; соответственно наименьшим был и их вес, что свидетельствует о наибольшем сужении круга значимых переживаний по сравнению с другими группами, затруднениями в актуализации образов прошлого и будущего. События, относящиеся ко многим видам (родительская семья, перемена места жительства, межличностные отношения, материальное положение, учеба и повышение квалификации), либо отсутствуют вообще, либо их вес (значимость) достоверно меньше, чем в первой группе. Достоверно меньшим весом ($p < 0,01$) обладают события типа изменения социальной среды. Следовательно, возможен вывод она и менее эффективной социальной адаптации студентов группы по сравнению с предыдущими. Событий, оказавших значительное влияние, указано достоверно меньше, чем студентами первой группы в целом ($p < 0,05$), что связано с малым количеством названных событий; достоверно меньшее количество событий, оказавших малое влияние, согласуется с упрощенными представлениями о себе и других и может быть объяснено более общей особенностью упрощенного, «черно-белого» восприятия действительности. Большинство студентов, рассказывающих свои «жизненные истории», анализировали свое прошлое (и пытались так же предугадывать будущее) с точки зрения конкретного, настоящего момента своего личностного развития, обычно стремясь дать идеализированную и согласованную картину жизни как целого. К тому же в исследовании учитывалось, что сама форма биографического повествования – литературная, по сути, и подталкивала студентов к использованию популярных биографических канонов, расхожих «сценариев», персональных мифов,

(например, «история успеха», «рассказ о поиске личностной идентичности», «жизнь прирожденного неудачника» и т. п.). [54].

Представленный нами анализ автобиографий позволяет подтвердить тезис нарративных стратегий в жизнеописании студентов, в которых передается стремление создать целостность своим переживаниям через их осмысление. О наличии сценарности жизни, как форме формирования идентичности, неоднократно упоминали экспериментальные исследования. Этот вывод хорошо согласуется с классическими психоаналитическими концепциями Я воображаемого и Супер Эго З.Фрейда, Ж Лакана, со взглядами на роль персонального мифа Э.И. Мещеряковой, представлениями Я-идеала в структуре личности, Дж. Келли.

Результаты данного исследования подтверждают существование взаимосвязи жизнестойкости с особенностями системы личностных конструктов студентов.

Качественный характер изложения жизненных событий позволил выявить те формы взаимодействия студентов, которые являются для них актуальными и значимыми. В том, какие воспоминания включаются в автобиографию как в историю собственной жизни, мы определяли, как проявляется смысловая система личности, выраженная осмысленностью и целостностью изложения событий жизни. Отношение испытуемых к тем или иным событиям их жизни оценивалось как положительное или отрицательное, оценки событий собственной жизни студенты проводили сами.

Возрастной период испытуемых находится в границах юношества с переходом в молодость. Главной компонентой в формировании Я в юношестве являются идеальные представления о себе, эта тенденция выражается в системе личностных конструктов испытуемых, в частности в автостереотипных представлениях и оценках. Кризис переходного возраста позади, поэтому ответы на вопрос «Кто Я?» имеют сформированный и структурированный характер,

ответы студентов носят социально желаемый характер. Результаты исследования подтверждают тезис эпигенетической концепции Э.Эриксона, где речь идет об активном формировании идентичности к 18 годам, с превалированием идеальных представлений о своем Я.

В целом, психодиагностика с использованием биографического метода, указывает на наличие таких угроз для внутренней валидности, как субъективные смещения и изменения во времени, рассказывающих субъектов.

Непропорциональное количество эпизодов в повествованиях студентов – кандидатов на то, что Д. Пиллемер определил как символические сообщения, события-источники, якорные события и другие Я-определяющие воспоминания, являются проявлением особенностей молодого возраста, истории об обретении совершеннолетия, полного приключений перехода от детства к взрослости.

Наличие фабулы является проявлением целостности повествования, её отсутствие – говорит об обратном.

3.4 Гендерные и этнические особенности студентов

Для того чтобы получить более подробную картину влияния социально-демографических признаков на количественные психодиагностические и социально-психологические показатели в используемой модели исследования использовался дисперсионный анализ (ANOVA) по F-критерию Фишера и ранговый дисперсионный анализ Краскела- Уоллиса. Посредством этих методик были выявлены следующие зависимости:

- Самые высокие значения по шкале «Позитивная этническая идентичность» независимо от принадлежности к какой-либо из групп испытуемых.

- Вторыми по силе выраженности являются шкалы «Этническая индифферентность» и «Национальный фанатизм». Причём у казахов между этими шкалами нет статистических отличий, а у русских среднее значение

«Этнической индифферентности» статистически выше, чем среднее значение «Национального фанатизма».

– На третьем месте по силе выраженности шкалы «Этнический изоляционизм», «Этнический эгоизм», «Этнонигилизм». У казахов между этими шкалами также нет статистических отличий, а у русских значения шкалы «Этнонигилизм» статистически ниже. Иных зависимостей шкал этнической идентичности по критерию Фридмана не обнаружено (приведено в приложении Д). Обнаруженная взаимосвязь между шкалами Мадди и этнической принадлежностью студентов частично подтверждают существование взаимосвязи жизнестойкости с особенностями системы личностных конструктов студентов и в меньшей степени с их национальной принадлежностью. – В показателях шкал Мадди не были обнаружены зависимости от национальности испытуемых. Шкала «Принятие риска» статистически ниже остальных шкал Мадди у всех комбинаций групп по полу и национальности. Однако, если у русских между шкалой «Вовлечённость» и шкалой «Контроль» нет статистических различий, то у казахов обоего пола средние значения шкалы «Контроль» статистически ниже чем у шкалы «Вовлечённость» в соответствии с рисунком 10.

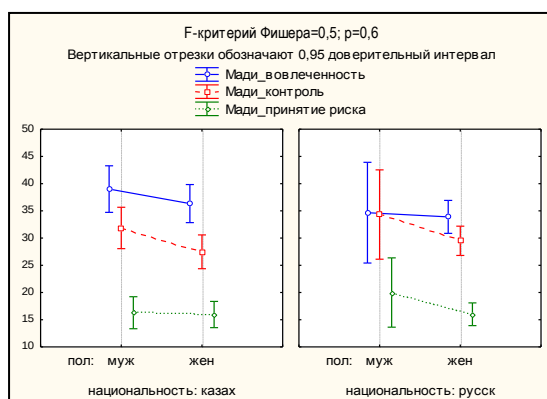

Рисунок 10 – Результаты двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA) по F-критерию Фишера для выявления зависимости шкал Мадди от взаимодействия пола и национальности:

у русских количество указанных событий в автобиографических текстах больше, чем у казахов в соответствии с рисунком 11.

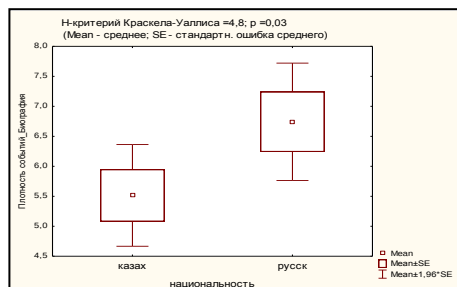

Рисунок 11 – Результаты рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса для выявления зависимости плотности событий в биографии от национальности: у русских плотность событий больше, у русских количество конструктов Келли больше, чем у казахов в соответствии с рисунком 12.

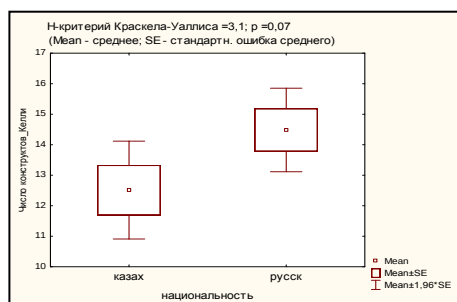

Рисунок 12 – Результаты рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса для выявления зависимости количества конструктов Келли от национальности: у русских количество конструктов больше, у казахов вовлеченность по Мадди выше, чем у русских в соответствии с рисунком 13.

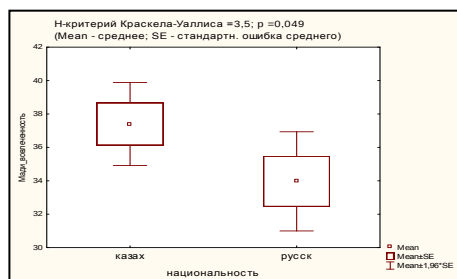

Рисунок 13 – Результаты рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса для выявления зависимости шкалы вовлеченности по Мадди от национальности: у казахов вовлеченность выше.

Иные актуальные для целей исследования зависимости посредством дисперсионного анализа в изучаемой выборке не обнаружены. Для выявления зависимости шкал этнической идентичности от всех остальных количественных шкал использовался корреляционный анализ по критерию ранговой корреляции Спирмена. При разбиении выборки на группы по национальности, выраженная статистическая значимость не достигается. Возможно из-за относительно небольшого размера групп, по причине отсутствия среди испытуемых национальных различий. Были выявлены следующие зависимости:

1) Проверка корреляции между шкалами по методики Солдатовой выявила невысокие прямые корреляции шкалы этнонигилизма со шкалами этнического эгоизма ($r=0,35$), этнического изоляционизма ($r=0,44$) и этнического фанатизма ($r=0,35$), а также между этническим эгоизмом и этническим изоляционизмом ($r=0,44$). Самая высокая прямая корреляция ($r=0,51$) наблюдается между этническим изоляционизмом и этническим фанатизмом

2) Проверка корреляции между шкалами Мадди и шкалами этнической идентичности выявила обратную корреляцию ($r=-0,35$) вовлеченности со шкалами позитивной этнической идентичности и этнической индифферентности (приведено в приложении Д).

3) Корреляционный анализ количественных шкал в оценках

4) позитивной этнической идентичностью и количеством отрицательных оценок в автобиографическом тексте (приведено в приложении Д).

5) Корреляционный анализ шкал теста «Кто Я» выявил прямую корреляцию ($r=0,37$) между «Уровнем дифференциации» и этнонигилизмом (приведено в приложении Д).

6) Корреляционный анализ шкал-конструктов Келли выявил обратную корреляцию ($r=-0,43$) между «Упреждающими автостереотипами» и этническим эгоизмом (приведено в приложении Д).

Кластерный анализ испытуемых по методу К-средних для шкал этнической идентичности по тесту Солдатовой позволил выявить два типа испытуемых.

В Кластер 1 входят 75 человек, у которых значения выше по всем шкалам этнической идентичности, кроме шкалы «Позитивная идентичность» (по этой шкале в обоих кластерах одинаковые средние значения). Соответственно в Кластер 2 входят 123 человек, у которых значения по шкалам этнической идентичности в среднем меньше.

3.5 Модель смысловой структуры идентичности личности студентов в системе личностных конструкторов

Далее была построена итоговая визуальная модель идентичности в системе личностных конструкторов на основе всех основных результатов статистического анализа в соответствии с рисунком 14.

В модели смысловых аспектов идентичности, полученные результаты интерпретируются не как сопоставление между индивидуальными системами личностных конструкторов, а как анализ типичных для данной выборки моделей сохраняющих все выявленные особенности, актуализированные в ходе исследования. Полученные две подсистемы личностной идентичности основаны на различных оценках и переживаниях конструкта Я, что свидетельствует об адекватности подобного способа описания ее (идентичности) смысловой обусловленности. Функциональная специфика конструкта Я заключается, с одной стороны, в обеспечении Я чувством тождественности за счет фиксации на продуктивных и позитивных аспектах, с другой стороны, в обнаружении способности к изменениям. Так многомерность Я обуславливает развитие личности.

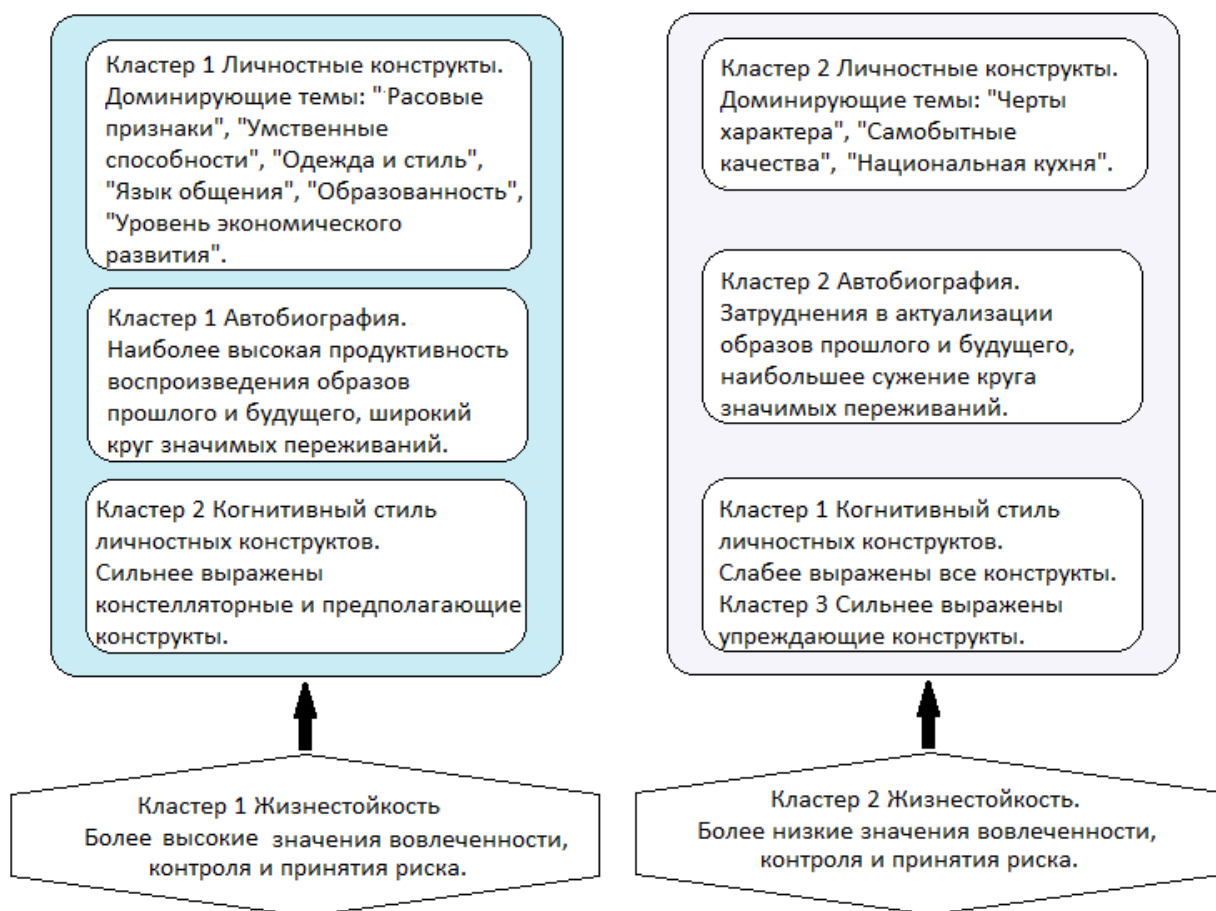

Рисунок 14 – Модели конструктивно-смысловой идентичности личности (на выборке русских и казахских студентов)

1-я подсистема: в ней интеграционный контекст системы личностных конструктов проявляется комплексом культурно-обусловленного знания, которое выражается в когнитивной ориентации и характеризуется преобладанием констелляторных и предполагающих смысловых конструктов, они интерпретируются с опорой на логические доказательства (демонстрация фактов, примеров, эмпирических и статистических данных, нахождение причинно-следственных связей). Тема «Расовые признаки» задействуется в подчёркивании уникальности человеческой природы без привязывания к социально обусловленным сторонам поведения. Предпочитаемыми «идентификационными конструктами» в определении сходства и различия в плоскости субъектных

отношений являются: «ученые», «интеллигентные», «культурные», «эрудированные». Респонденты, представляющие первую подсистему, проявили большую способность оперировать обобщенными признаками понятий. Акцент на перенос отношений с плоскости «Я – Ты» на плоскость «Я—Оно» выражается в предпочтении тематик «Одежда, стиль»; «Язык общения»; «Уровень экономического развития». Система личностных конструкторов презентует большое количество объектов и явлений, отражающих жизненные смыслы респондентов. Сильнее выражены констелляторные и предполагающие конструкторы. Отсутствуют темы-признаки «Черты характера», «Национальная кухня».

В автобиографиях присутствует наиболее благоприятное сочетание личностно-ситуационных параметров. В повествованиях, изложенных в автобиографиях студентов. Вошедших в первую подсистему, проявляется преемственность прошлого и настоящего «Я». Концепция «Я» переживается как ценностное и интегрированное образование, проявляющееся в осмысленности жизненных событий, это обстоятельство подтверждается наличием высокого веса событий, влекущих за собой принятия новых социальных ролей, вследствие чего изменяется социальная среда. Уровень рефлексии жизненной эмпирики выражается: в способности соотносить и связывать элементы опыта; в большой плотности событий и их положительных оценках; в частоте значимых событий в жизни, влекущих принятие новых социальных ролей; в присутствии самоанализа в сочетании с исповедальностью; в реализации планов и переработке эмпирического опыта. В показателях жизнестойкости зафиксированы более высокие значения вовлечённости, контроля и принятия риска (по тесту С. Мадди). Слабее проявлены этнонигилизм, этническая индифферентность, этнический эгоизм, этнический изоляционизм, национальный фанатизм.

Таким образом, в первой подсистеме представлено наиболее благоприятное сочетание различных параметров идентичности человека с выраженной фиксацией на идеализированных представлениях о себе. Выражено стремление к

позитивной этнической идентичности, а интегративные характеристики определены умением активно перерабатывать информацию и выстраивать гибкую систему личностных конструкторов.

2-я подсистема: в ней признаки диффузии и моратория преобладают над интегративными характеристиками идентичности. Превалирование ситуативной доминанты смысла над логической обнаруживается в выражении субъективных оценок через конструкторы: «доброжелательные», «хитрые», «помогают близкому» и т.п.. Отсутствие конструкторов: «образованные», «развитая экономика», «интересный язык общения», «уникальное искусство», объясняется слабой сформированностью навыков оперирования канонизированными знаниями. Наблюдается равномерное распределение упоминаний всех ассоциаций темы «Самобытные качества», множественные ассоциации с темой «Черты характера» и «Национальная кухня». Респонденты предпочитают использовать упредительные конструкторы, в ответах проявляется рефлексия чувственного уровня и отсутствие желания и умения абстрагироваться в процессе сравнения элементов из репертуарного списка. С увеличением степени «когнитивной простоты» повышается присутствие в системе личностных конструкторов «очевидности» и «переход на личности», понижается использование констелляторных и предполагающих конструкторов. Общее число конструкторов, отражающих жизненные смыслы, с привлечением определённого круга объектов и явлений личного опыта меньше, чем в первой подсистеме.

В автобиографиях представлено наименее благоприятное сочетание личностно-ситуационных параметров. Испытуемые данной группы указали малое количество важных событий жизни, соответственно небольшим был и их вес, что свидетельствует о сужении круга значимых переживаний. Присутствуют формально изложенные хронологии с преобладанием средних оценок событий собственной жизни. В целом студенты данной подсистемы испытывали затруднения в актуализации образов прошлого и будущего. Обнаружены более низкие значения вовлечённости, контроля и принятия риска. Сильнее проявлены

этнонигилизм, этническая индифферентность, этнический эгоизм, этнический изоляционизм, национальный фанатизм.

Таким образом, вторая подсистема указывает на присутствие у респондентов диффузного (избегающего) стиля, положительно связанного с рассогласованием с событийной структурой жизни.

Доминирующими темами в обеих подсистемах являются «Религия», «Исторические события, прошлое», «Расовые признаки», «Самобытные качества», «Определенные способности». Тематика «Религия» задействовалась более других. Конструкты «религия» и «религиозность» относятся к предполагающему типу, тогда как конструкты «ислам», «схожие религии», «христианская вера» относятся к упреждающим конструктам, т.к. не выражают отношения и являются в данном контексте скорее ярлыками. В событийной структуре жизни ни один из респондентов не прибегнул к упоминанию как значимых каких-либо событий, отражающих отношение к религии у студентов. При дополнительном тестировании с применением методики «Кто Я?» религиозная направленность личности испытуемых тоже не обнаружилась.

На второй позиции по частоте упоминания оказались конструкты из тематики «Исторические события, прошлое». Испытуемые одинаково часто задействуют конструкты, проявляющие личностную рефлексию исторического прошлого в контексте межнациональных и межгосударственных отношений. В тематике «Самобытные качества» наиболее задействованными являются конструкты «национальность», все остальные ассоциации этой тематики распределены равномерно. Конструкты «любят выпить», «любят чай», «едят насекомых», «любят лошадей», «кочевники», «уникальная культура» относятся к предполагающему виду конструктов, т.к. предполагают специфичность и самобытность объектов и явлений психологической действительности. А как уже отмечалось, идентичность осмысливается посредством уникальных физиологических или поведенческих характеристик, которая поддерживает функции самотождественности. Конструкты тематики «самобытные качества»

содержат информацию об объектах идентификации, т.к. гипотетически заключают в себе уникальный жизненный опыт личности испытуемых студентов, хотя не исключаются подражательные мотивы, которые имеются в молодёжной среде.

В итоге гипотеза о том, что *смысловые аспекты системы личностных конструктов являются теми компонентами идентичности личности, которые отражают редуцирование сознания до понимания событийной структуры жизни и участвующими в саморегуляции в качестве условия жизнестойкости личности*) подтвердилась. Обнаружена взаимосвязь между приверженностью студентов к стилю построения конструктов (выбор тематики и способа выражения) и уровнем рефлексии.

Таким образом, личность обеспечивается чувством личного контроля и целостности, что является необходимым условием для формирования жизненно важных смыслов. Эти функции обеспечивают успешное развитие зрелой личности, таким образом, создавая предпосылку интегративной идентичности.

Предпочтение к определенным видам конструктов (упредительным, констелляторным, предполагающим) находится в зависимости от количества значимых событий жизни, упоминаемых испытуемыми, и имеет влияние на показатели самоконтроля в структуре жизнестойкости личности.

Выводы

1. Использование техники репертуарных решёток Келли в исследовании идентичности личности позволяет построить идентификационную матрицу с выражением многосторонних отношений личности

2. Анализ событийной структуры жизни с помощью автобиографического метода показывает степень интегрированности конструкта «Я». Обнаружено, что моделирование позитивного образа прошлого, настоящего обуславливает степень интегрированности личностной идентичности и жизнестойкости.

3. Способность образовывать конструкты и умение активно перерабатывать поступающую извне информацию обуславливает образование адекватных ситуационных смыслов, таким образом повышается параметр «контроль» жизнестойкости личности.

4. Религия как сфера обретения смыслов человеческого существования начинает занимать заметное место в идентификационной матрице молодёжи, в то же время религиозное поведение молодёжи в большинстве случаев демонстрирует расхождение с исходными инструментальными областями религии как психологического феномена.

5. Доминирование этнических маркеров в модели идентичности личности является следствием возрастающей неопределенности идентификационного выбора.

6. Жизнестойкость личности не имеет взаимосвязи с этнической идентичностью личности, но влияет на её полярность: чем выше жизнестойкость, тем больше тяготение к полюсу положительной этнической идентичности.

7. Гендерные различия обнаружены только в показателях вовлечённости, контроля и принятия риска, эти параметры жизнестойкости в более высоких значениях присутствуют у лиц женского пола.

Заключение

Проведен теоретический обзор представлений о структурно-функциональных и временных характеристиках идентичности личности. Особое внимание уделяется методологической проблеме исследования идентичности и проблеме выхода из круга понятий «тождество», «целостность», «интегрированность». Прделана попытка отхода от амбивалентности в рассмотрении статусов идентичности и перемена акцента на смысловое содержание и процесс получения категориальных эталонов Я как составляющих идентичности личности. Особое внимание уделено анализу экспериментальных исследований.

В итоге творческой разработки идей Э. Эриксона, А. Ватермана, Дж. Мида и его последователей определена возможность выделения компонентов количественного и качественного анализа и для обоснованного подбора методов экспериментального исследования идентичности. В результате получено подтверждение в ряде концепций российских и зарубежных ученых об идентичности личности как процессе осмысления системы жизненных отношений и потребностей. Это позволяет утверждать, что идентичность обладает смысловой природой.

Подход Келли, предлагающий механизм исследования идентичности в рамках исследовательской рефлексии при помощи репертуарного теста, позволяет наиболее корректно провести эмпирическое исследование смысловых аспектов идентичности. В методе заложено выявление эталонов восприятия и оценивания – конструктов, которые, согласно теории Келли, и есть смыслы, данное положение поддерживается Д.А. Леонтьевым.

Идентичность рассматривается, как результат осмысления собственного Я. Смыслы рассматриваются как конструкты – универсальные механизмы,

присутствующие на разных уровнях человеческого поведения и познавательной активности.

Как показатель целостности и согласованности элементов идентичности личности студентов рассматривается событийная структура жизни – важный компонент измерения идентичности студентов.

Задача – проверить способность понимать события собственной жизни, осмысленно связывать их в долговременной памяти была разрешена через применение автобиографического метода. Повествования, изложенные в автобиографиях студентов, являются необходимым условием сохранения «самого себя во времени». Конструкт «Я» переживается как ценность, а осознанное моделирование образов прошлого, настоящего и будущего даёт ощущение тождественности и целостности идентичности.

Использование техники репертуарных решёток Келли в исследовании идентичности личности позволяет построить идентификационную матрицу с выражением многосторонних отношений личности к потенциальным объектам идентификации (экономические, политические, культурные, социальные) через образование биполярных смыслов, выраженных в конструктах. Выбор способа образования конструктов и умение активно перерабатывать поступающую извне информацию обуславливают способность создания адекватных ситуационных смыслов и повышение параметра «контроль» жизнестойкости личности.

Жизнестойкость личности не имеет взаимосвязи с этнической идентичностью личности, но влияет на её полярность: чем выше жизнестойкость, тем больше тяготение к полюсу положительной этнической идентичности. Гендерные различия обнаружены только в показателях вовлечённости, контроля и принятия риска, эти параметры жизнестойкости в более высоких значениях присутствуют у лиц женского пола.

В итоге была построена итоговая визуальная модель идентичности в системе личностных конструктов на основе всех основных результатов статистического анализа. В первой подсистеме интеграционный контекст

системы личностных конструктов проявляется моделью культурно-обусловленного знания. Во второй подсистеме признаки диффузии и моратория преобладают над интегративными характеристиками идентичности. Обнаружена статистическая значимость для приверженности студентов к тому или иному стилю построения конструктов (выбор тематики, их количество и способы выражения) от уровня рефлексии жизненного опыта и параметров жизнестойкости личности.

Итак, осмысление есть предпосылка для формирования жизненного опыта. Главным условием для осмысления является интеллект (способность к комбинированию и суждению, упорядочению осмысленного). Немаловажным условием, на уровне с интеллектом, является оценочное отношение студентов, оно представляет собой формируемое личностное качество, которое основывается на проявлении эмоциональной отзывчивости в межличностных отношениях и взаимосвязи эмоционального и интеллектуально-оценочного процессов при активном положительном восприятии жизненного опыта. Содержанием оценочного отношения является ценностный процесс «присвоения» лучших образцов поведения, выступающий предпосылкой формирования идентичности личности.

Список использованных источников и литературы

1. Абакумова, И. В., Ермаков, П. Н., Рудакова, И. А. Смыслоцентризм в педагогике. Новое понимание дидактических методов. – Ростов-н /Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. – 256 с.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. – 299 с.
3. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Акад. Проект, 2007. – 240 с.
4. Александрова, Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире. // Известия ТРТУ Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд-во ТРТУ № 7 (51). – 2005. – С. 83-84.
5. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 339 с.
6. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. – 380 с.
7. Арестова, О.Н., Шильштейн Е.С. Проективная модификация метода «репертуарных решеток» // Вестник МГУ.– Сер.14. Психология. – 1998. – № 1. – С. 8–17.
8. Аристотель. Метафизика. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с.
9. Асмолов, А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., Воронеж, 1996.– 768 с.
10. Баксанский, О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М.: КомКнига, 2005. –184 с.
11. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 423с.
12. Березина, Т.Н. Жизненный путь личности: осознаваемые и неосознаваемые аспекты // Российский менталитет: вопросы психологической

теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 318 с.

13. Бернс, Р. Развитие Я–концепции и воспитание / Общ. ред. и вступ. ст. В. Я. Пилиповского. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.

14. Большой психологический словарь. / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. ; М.: Прайм–Еврознак: ОЛМА–Пресс, 2003. – 672 с.

15. Борисова, О.В. Ускользящая идентичность или анализ категории «идентичность» в рамках структурно–конструктивистского подхода. Вестник Удмуртского Университета Социология и философия. – 2006. – №3. – С 141-146

16. Братусь, Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вести. Моск. ун–та. Сер. 14, Психология. –1981. – № 2. – С. 46–56.

17. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. №5. – С.3-19

18. Булашкова, М. Г. К понятиям «этнос» и «нация» [Текст]: / М. Г. Булашкова, Е. А. Приходько // Молодой ученый. – 2013. – №1. – С. 421–422.

19. Бурлакова, Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико–психологического знания). Монография. М.: ООО «ИПЦ Маска», 2011. – 306 с.

20. Василюк, Ф.Е. Структура образа// Вопр. психол. – 1993. – № 5. – С. 5-19.

21. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. / Ф.Е. Василюк. М.: МГУ, 1984. – 200 с.

22. Выготский, Л. С. Мышление и речь. Собрание сочинений: в 6 т./ Выготский, Л. С. – М.: Педагогика, 1982.– Т.2

23. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 5–ти т.– М., 1982. – Т.1.– С. 291-436.

24. Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: ЖСМО – Пресс, 2000. – 243 с

25. Григорьев, В.Е. Применение теста репертуарных решеток в группе. Социс, №10. 2004. – С. 93–99.
26. Григорьева, Е.В. Идентичность личности как детерминанта смысло-ценностных ориентаций и проблемной сферы. / Е.В. Григорьева // Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов. Выпуск 5. 2007. – С. 80-81.
27. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука. Эдмунд Гуссерль. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. – С. 139.
28. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2–е, испр. изд–е. –М.: Смысл, 2003. – 487 с.
29. Джакупов, С.М. Управление познавательной деятельностью студентов в процессе обучения. Учебное пособие. Алматы: Казак университеті, 2002. –117 с.
30. Джеймс, У. Личность // Психология самосознания. Хрестоматия / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «Бахрах–М», 2007. С. 7 44.
31. Джеймс, У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – 367 с.
32. Забродин, Ю. М, Похилько В. И. Предисловие // Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987
33. Заковоротная, М.В, – Идентичность человека. Социально–философские аспекты. – Ростов н/Д: СКНЦВШ. – 1999. – 200 с.
34. Иванова, Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 3. – № 4, 2006. – С. 18-36.
35. Критика чистого разума / пер. с нем. М.: Мысль, 1994. – 591с.
36. Кабрин, В.И. Психологический универсум человека ноэтического: Сб. ст.– Томск: Водолей, 1999. – С. 47-58.
37. Кабрин, В.И. Транскомуникация и личностное развитие: Психология коммуникативного развития человека как личности. – Томск, 1992.– 255 с.

38. Калинкина, Е. М. Возможности применения методики «Техника репертуарных решеток» Дж. Келли в различных областях психологической науки и практики / Е. М. Калинкина // Молодой ученый. – 2011. – №1. – С. 191–193.

39. Ключко, В. Е. Предмет современной психологии: человекообразование и психологическое обеспечение смысловой педагогики / В. Е. Ключко // Образование и социальное развитие региона. – Барнаул, 1995. – № 3-4. – С. 104-113.

40. Ключко, В.Е., Краснорядцева О.М. Суверенность личности как основание психологического здоровья. Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвуиздат. – 2002. – С.4-9.

41. Ключко, В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В.Е. Ключко. – Томск: Томский государственный университет, 2005. –174 с.

42. Ковалев, С.В. Психология современной семьи. – М: Просвещение 1988. – 208 с.

43. Кон, И.О. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.

44. Краснорядцева, О.М. Чувствительность к проблемам: от исследовательских процедур к диагностике потенциала самореализации личности. Методология и история психологии. – 2009. – Т.4. Вып. 4 – С.73–81.

45. Кричевец, А.Н. Cogito, Другой и представления о психическом [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 5(13). URL:<http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.11.2013). 0421000116/0042

46. Кричевский, А. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. – М.: ИФ РАН, 2009. –199 с.

47. Кули, Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль. / сост. Е.И.Кравченко ; под. общ. ред. В.И.Добренкова . – М: МГУ, 1994. – С.330-335.

48. Кун, М., Макпартлэнд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. / Под. ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 180-187.

49. Курышева, О.В. К.В. Нужных. Журнал Вестник Волгоградского государственного университета. Серия №7 Философия. Социология и социальные технологии, Выпуск №2. 2008.

50. Кцоева, Г. У. Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений: автореф. дис. канд. псих. наук. – / Кцоева Г.У.; АН СССР, Ин-т психологии. – М., 1985. – 24 с.

51. Левин, К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии. В кн. История психологии (10-е – 30-е гг. Период открытого кризиса) / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 364 с.

52. Лейбин, В. М. Психоанализ и философия неопреимизма. – М.: Политиздат, 1977. – 246 с.

53. Леонтьев, А.Н. К психологии образа // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. – № 3. – С. 72-76.

54. Логинова, Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Издатель: Алматы: «Казак университеті». 2001. – с. 176

55. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

56. Лукьянов, О.В. Готовность быть. Введение в трансвременную психологию. – М. : Смысл. – 2009. – 231 с.

57. Лукьянов, О.В. Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 59
58. Лэйнг, Р.Д. Я и Другие / пер. с англ. – М.: Независимая фирма Класс, 2002. – 192 с.
59. Мадди, С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. – 2005. – № 6. – Т.26. – С. 87-101.
60. Мадди, С. Р. Теории личности: сравнительный анализ. / пер. с англ. – СПб. – 2002. – 567 с.
61. Малахов, С.В. Неудобства с идентичностью [Электронный ресурс]// <http://www.terpsy.ru/page/211.shtml> (дата обращения: 10.12.2013)
62. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию/Состав. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. 2-ое изд., изм. и доп. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», – 1992. – 415 с.
63. Мамардашвили, М. Психологическая топология пути. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, – 1997. – 571с
64. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ. – М.: Смысл, – 1999. – 425с.
65. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы: пер. с англ. – М.: Смысл, 1999. – 425с.
66. Мещерякова, Э.И. Персональный миф и психологическое консультирование. Томский государственный университет: Издательство Томского университета, – 2001 – 178 с.
67. Мещерякова, Э.И. Персональный миф в психологическом консультировании: автореф. дис. на соиск. уч. ст. док. психол. н. Томск, 2001. – 53 с.
68. Мещерякова, Э.И., Влах Н.И. Трансфер как показатель эффективности психокоррекции студентов»: Материалы юбилейной конференции «Ананьевские чтения».– СПб, – 1997.

69. Мид, Д. *Аз и я* / Д. Мид // *Американская социологическая мысль*. / Сост. Е.И.Кравченко ; Под общ. ред. Ё.И.Добренкова. М : МГУ, 1994. С.227–236 с.
70. Мухина, В.С. *Феноменология развития и бытия личности*. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО "МОДЭК", 1999. – 154с.
71. Мухина, В.С. *Феноменология развития и бытия личности*. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО МОДЭК, 1999. – С. 178-186 с.
72. Мясищев, В.Н. *Психология отношений*. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1995. – 356 с.
73. Найссер, У. *Память день за днем* // *Когнитивная психология памяти*. 2–е международное издание. / под ред. У. Найссера, А. Хаймен. СПб: Прайм–еврознак, 2005. – С. 157-164.
74. Найссер, У. *Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии*. – М.: Прогресс, 1981. – 226 с.
75. Налимов, В.В. *Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности*. М.: Изд–во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989.– 288с.
76. Нарциссова, С.Ю. *Феномен когнитивного стиля в психологии* // *Наука и современность* – 2011: сб. ст. VIII Международной научно–практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, – 2011. – С. 77-83.
77. Нуркова, В.В. *Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности* // *Мир психологии*. – 2004. – №2. – С. 77-87.
78. Нуркова, В.В. *История как личный опыт* // *Историческая психология и социология истории*. – 2009. – №1. – С. 5–28.
79. Павленко, В. Н. *Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии*. // *Вопросы психологии*. – 2000. – №1. – С. 135-141.

80. Павлова, О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и её структурные особенности. – М.: Институт Психоанализа, 2001. – 124 с.
81. Пелипенко, А.А. Идентичность: смыслогенетические основания. Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. 4. М.2010. – С.147-171.
82. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. – СПб.: Питер. – 2005. – 480 с.
83. Петухов, В.В. Проблема осмысленного действия (по решению творческих задач) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. – М.: Смысл, 1999. – С.251.
84. Пиаже, Ж. Генетическая эпистемология. – СПб.: Питер, 2004. – 160 с.
85. Пиаже, Ж. Моральное суждение у ребенка. — М.: Академический проект, 2006. – 480 с.
86. Платонов, Ю.П. Основы этнической психологии. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2003. – 452 с.
87. Психографологические характеристики письменной речи // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под общей ред. А.А.Крылова, С.А.Маничева.– СПб.: «Питер», 2000.– 560 с.
88. Путилова, Л. М. Сущность самопознания в опыте ментальной идентификации (в контексте философской антропологии): автореф. дис. на соиск. уч. ст. док. философ. н. М., 1999. – 38 с.
89. Радугин, А.П. Философия. М.:Владос, 1995. –280 с.
90. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). / пер. с фр. М., 1995. – 160 с.
91. Рикер, П. Время и рассказ. В 2-х т. Т. 1. Интрига и исторический рассказ [Текст] / пер. с фр. Т. В. Славко; под ред. С. Я. Левит. - М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. – 313 с.

92. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 866 с.
93. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир//Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
94. Румянцева, Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Учебное пособие. — СПб.: Речь, 2006. – 176 с.
95. Рыбакова, О.В., Третьякова О.Ф. Использование репертуарных методик для анализа профессиональной эффективности работника // Социол. исслед. 1997. – № 10. С. 126-130.
96. Сарджевеладзе, Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 204 с.
97. Сартр, Ж.–П. Бытие и ничто. – М.: Издательство: Республика 2000. – 639 с.
98. Серый А.В.. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый; науч. ред. М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.
99. Скворцов, Н. Г. Индивид и этническая среда: проблема этничности в символическом интеракционизме. // Социология и социальная антропология. СПб., 1997. С. 303–321.
100. Солдатова, Г.У. Этническое самосознание и этническая идентичность // Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.– 386с.
101. Солдатова, Г.У. Психологические механизмы ксенофобии / Г.У. Солдатова // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27 № 6 ноябрь-декабрь 2006. – С. 5-18.
102. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология. – М.: Ин-т психологии РАН, «Академический проект», – 1999.– 320 с.

103. Столин, В.В. Внутренние преграды и конфликтные личностные смыслы // Тезисы VIII Закавказской конференции психологов. Ереван, 1980. – С. 281- 282.

104. Сухарев, А.В. Этнопсихотерапевтический подход к человеку в условиях современного кризиса его экосистемы // Мир психологии и психология в мире.– М., 1994.– С. 63-73.

105. Толстых, А.В. Формирование и самоопределение личности в исторической динамике поколений: дисс. докт. психол. наук в виде научного доклада. – М., 1994. – С. 42.

106. Топанова, Г. Т. Подходы в исследовании межэтнического взаимодействия казахского и русского этносов // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 29. – С. 37-40

107. Федорова, Е.В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности: автореф. дисс. канд. псих. наук. Ярославль. – 2004. – 22 с.

108. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с

109. Франселла, Ф., Баннистер, Д. Ф Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам: / пер. с англ. /Общ. ред. и предисл. Ю. М. Забродина и В. И. Похилько. – М.: Прогресс, 1987. – 236 с.

110. Фрейд, З. Толкование сновидений. – Ереван: Камар, –1991. – 448 с.

111. Фрейджер, Р., Фейдимен, Дж. Теории личности и личностный рост . – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2004. – 657 с.

112. Фромм, Э . Иметь или быть. М. 1990. – 117 с.

113. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии, – № 2, – 1989. – С. 35-40

114. Хайдеггер, М. Идентичность и дифференциация / М. Хайдеггер // Бытие и время. М.: Мысль, – 1997. – С. 215-413.

115. Хайдеггер, М. Бытие и время. / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503 с.
116. Холкрофт, Дж. Раджив Мотвани, Джеффри Ульман. Введение в теорию машин Тьюринга // Введение в теорию автоматов, языков и вычислений. — М.: «Вильямс», 2002. — 528 с.
117. Хорни, К. Перевод Е.И. Замфир СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997 Терминологическая правка В. Данченко К.: PSYLIB, 2006. — 318 с.
118. Чудова, Н.В. Мифологическая составляющая образа Я // Психологический журнал.— 1999.— Т.20, — № 5.— С. 45-50.
119. Шефер, Б., Шредер, Б. Социальная идентичность и групповое сознание// Психологический журнал, — №1, — 1993. — С. 11-13
120. Шильштейн, Е.С. Я в системе личностных конструктов: статус, функции и уровни презентации [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук : 19.00.01 / Е.С. Шильштейн. — М., 2001. — 26 с.
121. Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику. — М., 1983. — 157 с.
122. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001 г. — 272 с.
123. Шрагина, Л.И. Процесс конструирования метафоры как объект психологического исследования // Психологический журнал. — 1997.— Т.18, № 6.— С.121-128.
124. Шрейдер, Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопросы философии.— 1990.— № 7. — С. 32-41.
125. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.
126. Юнг, К.Г. Очерки по психологии бессознательного. / пер. с англ. — Изд.2-е, М.: Когито-Центр, 2010. — 352 с.

127. Юнг, К.Г. Архетип и символ / пер. с нем.— М.: Ренессанс, 1991.— 229 с.
128. Ясперс, К. Общая психопатология / пер. с нем.— М., 1989. — 1053 с.
129. Abes, E. S., Jones S. R. Meaning-making capacity and the dynamics of lesbian college students' multiple dimensions of identity // *Journal of College Student Development*. 2004. Vol.45. P. 612-632.
130. Adams, G. R., & Marshall, S. A developmental social psychology of identity: Understanding the person in context. *Journal of Adolescence*, 1996. 19, P.1-14.
131. Adler, A. The individual psychology of Alfred Adler. A systematic presentation in selection of his writings, edited & annotated by H.L. Anbacher, R.R. Anbacher. — New-York: Basic Books, 1956.— 503 p.
132. Allport, G.W. The use of personal documents in psychological science // *Soc. Sc. Res. Coun. Bull.*— 1942.— N 1.— P. 49.
133. Arnett, J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teensthrough the twenties. *American Psychologist*, 55, 2000. P.469-480.
134. Barrett, J. L. Cognitive science of religion: What is it and why is it? / J. L. Barrett // *Religion Compass*. 2007. - Vol. 1. № 6. — P. 768 - 767.
135. Barrett, J. L. Why Santa Claus is not a god / J. L. Barrett // *Journal of Cognition and Culture*. 2008. — Vol. 8, — N 1-2. — P. 149-161.
136. Berzonsky, M. D. Identity processing style, self-construction, and personal epistemic assumptions: A social-cognitive perspective. *European Journal of Developmental Psychology*, Vol.1, 2004. P. 303-315.
137. Berzonsky, M. D. Identity style and well-being: Does commitment matter? *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 3, 2003. P. 131-142.
138. Berzonsky, M. D. 2011. A social-cognitive perspective on identity construction. In S. J. Schwartz, K. Luyckx, & K. V. L. Vignoles (Eds.), *Handbook of identity theory and research* P. 55-76. New York: Springer.

139. Berzonsky, M.D., Michael, D.; Rice, Kenneth G.; Neimeyer, G. J. Identity status and self-construct systems: Process X structure interactions. IN: Journal-of-Adolescence; Sep Vol.13 (3)1990. P.251-266
140. Bieri J. Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior. Journal of Abnormal and Social Psychology, 1955. 51, P.263-268.
141. Boeree, C. G. (1998). Qualitative Methods Workbook. Downloaded from <http://webpace.ship.edu/cgboer/qualmeth.html> , November 17, 2013.Of
142. Bosma, H. A., & Kunnen, S. E. Determinants and mechanisms in egoidentity development: A review and synthesis. Developmental Review, 21, 2001. P. 39-66.
143. Boyd, V. S., Hunt, P. F., Kandell, J. J., & Lucas, M. S. Relationship between identity processing style and academic success in undergraduate students. Journal of College Student Development, 44, 2003. p.155-167
144. Breakwell, G. W. Integrating paradigms, methodological implications // Empirical approaches to social representations. Oxford, 1997. p. I-42
145. Breakwell, G.M. Coping with threatened identities. L., N.Y., Mithuen, 1986. – 222 p.
146. Bosch, L. A., & Card, N. A. A meta-analytic review of Berzonsky's Identity Style Inventory (ISI). Journal of Adolescence, 35, 2012. P.333-343.
147. Bruner, J. Life as Narrative// Social Research. 2004. Vol. 71. P. 691-710.
148. Caldwell, N., Coshall, J. Measuring brand associations for museums and galleries using repertory grid analysis Management Decision, Vol.40. 2002. P. 383 - 392
149. Calliess, I.T, Machleidt, W. Behrens, K. Akkulturationsstile und migrationsspezifische Konfliktlagen bei suizidalen Krisen von Migranten: ein Fallbericht zur Entwicklung von Behandlungsstrategien zwischen Autonomie und Bezogenheit. Suizidprophylaxe 34: 2007. P.12-17

150. Chen SX, Benet-Martinez V, Harris Bond M Bicultural identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: immigration-based and globalization-based acculturation. *J Pers* 76: 2008. P.803–838

151. Doise W. Social representations in personal identity // Worchel S., Morales J.F., Paez D., De-schamps J. (eds). *Social identity: International perspective*. N.Y.: Sage Publ., 1998. P. 13-25.

152. Erdheim, M. Gibt es ein Ende der Adoleszenz? – Betrachtungen aus ethnopschoanalytischer Sicht. *Praxis der Kinderpsychologie und – psychiatrie*, 44: 1995. P.81-85.

153. Ericson, E.H. The problem of ego identity.// *Identity and anxiety: survival of the person in mass society.*/ Ed. by M.R.Stein et al. Glencoe (111.); The Free press, 1960.– 658 p.

154. Erikson, E.H. Das Problem der Identität II Psyche, 1956. – S. 10-114.

155. Erikson, E.H.Das Problem der Ich-Identität. *J Am Psychoanal Assoc* 4: 1956. P.56–121

156. Ermann, M. Die Fixierung in der frühen Triangulierung. *Forum der Psychoanalyse*, Vol.2: 1985. P.93-110.

157. Fitzgerald, J.M. Vivid memories and the reminiscence phenomenon: The role of a self-narrative // *Hum. Dev.* 1988. Vol. 31. P. 261-273

158. Fogelson, R.D. Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumspects and prospects. // *Psychosocial theories of the self.*/ Ed. by B.Lee. N.Y., L.: Plenum press, 1982. p. 115-132.

159. Frewer, L.J.,Howard, C,R. Shepherd Understanding public attitudes to technology *Journal of Risk Research*, Vol. 1 (3) 1998, P. 221-235

160. Giddens, A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford, CA, 1991.

161. Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City. N. Y., 1959.

162. Goffman, E. The neglected situation // Amer. Anthropol. Vol. 64. N 5. Part. 2. 1964. – P. 408.
163. Gottesman, I. I., Shields J. Schizophrenia: The epigenetic puzzle. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 1982.
164. Gregg, G. Self-representation: Life narrative studies in identity and ideology. N. Y., 1991.
165. Hofmann, V. Psychometrische Qualitäten des Adult Attachment Interviews. In: G. Gloger-Tippelt (Hrsg.). Bindung im Erwachsenenalter. Ein Handbuch für Forschung und Praxis. Bern: Hans Huber: 2001. S.121-153.
166. Habermas, J. Dogmatismus, Vernunft und Entscheidung // Theorie und Praxis. Neuwied, 1967. P. 231
167. Habermas, J. Geschichtsbewusstsein und posttraditionale Identität: Die West-Orientierung der Bundesrepublik. Цит. по: Torpey J. Introduction: Habermas and the Historians // New German Critique. 1988. N 44. p. 9.
168. Hermans, H.J.M. Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // Psychol. Bull. 1996. 119. P. 31-50
169. Hersleth, M., Berggren, R., Westad, F. M. Martens Perception of bread: a comparison of consumers and trained assessors Journal of Food Science, Vol. 70 2005. – p. 95
170. Honey, P. The repertory grid inaction – how to use it to conduct an attitude survey Industrial and Commercial Training, 11 (1979), p. 452-459
171. Jones, R., & Hartmann, B. Ego identity: developmental differences and experimental substance use among adolescents. Journal of Adolescence, 11, P. 1988. 347-360.
172. Jaeger, S.R., Rossiter, K.L, Consumer perceptions of novel fruit and familiar fruit: a repertory grid application Journal of the Science of Food and Agriculture, 85 (3) 2005 p. 480
173. James, E. Marcia, «Ego-Identity Status», in Michael Argyle, Social Encounters Penguin – 1973. – p.340.

174. Jankowicz, A. D., K. Cooper The use of focussed repertory grids in counseling British Journal of Guidance and Counselling, 10 (2) – 1982, P. 136-150
175. Jaromowic, M. Scelf-We-Others schemata and social identifications // Worchel S., Morales J.F., Pac/ D., Deschamps J. (eds). Social identity: International perspective. – N.Y.: Sage Publ. – 1998. P. 44-52.
176. Jenkins, R. Social identity. – L: Routledge. – 1996 p.257
177. Kelly, G. A nonparametric method of factor analysis for dealing with theoretical issues. Unpublished manuscript. Mimeograph, Ohio State University, 1961.
178. Kelly, G. The psychology of personal constructs, Norton, New York, 1955
179. King, L. A. The hard road to the good life: The happy, mature person. Journal of Humanistic Psychology, Vol.41, 2001.P.51-73.
180. Krappman, L. Soziologische Dimensionen der Identität.– Stuttgart: Klett, 1969.– 231 p.
181. Kuhn, M and McPartland, T.S. "An Empirical Investigation of Self-Attitudes, American Sociological Review, Vol. 19. 1951, P. 68-76.
182. Kunz, J. A. Targeted reminiscence interventions for older adults with dementia. Journal of Geriatric Psychiatry, Vol.35(1), 2002. P. 25-49.
183. Lazowick, L. On the nature of identification. // J.Abnorm. Soc. Psychol. 1955. Vol.51. P.175-183.
184. Lewis, H. . Differences in ego identity among college students across age, ethnicity, and gender. Identity: An International Journal of Theory and Research,3, P. 159–189.
185. Lübke, H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie. Basel/Stuttgart, 1977 S. 145-154. Kap. 12. Identität durch Geschichten.
186. Luyckx, K., Goossens, L., & Soenens, B. (2006). A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change

dynamics in commitment formation and commitment evaluation. *Developmental Psychology*, 42, P.366–380.

187. Luyckx, K., Lens, W., Smits, I., & Goossens, L. Time perspective and identity formation: Short-term longitudinal dynamics in college students. *International Journal of Behavioral Development*, 34, 2010. P.238–247.

188. Luyckx, K., Schwartz, S. J., Berzonsky, M. D., Soenens, M., & Maddi, S. *Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / Ed.by P.T.P.Wong, P.S.Fry. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998, p.1–25.*

189. Maddi, S.R., Kobasa S.C. *The hardy executive: Health under stress.* Homewood, IL: Dow Jones–Irwin, 1984

190. Markus, H., Nurius P. Possible selves // *Am. Psychol.* 1986. 41. P. 954–969.

191. Marsia, J.E. Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology / Ed. by J.Adelson.– N.Y: John Willey, 1980.– P. 213–231.*

192. Marsia, J.E., Ego identity status: Relationship to change in Self–esteem, «general maladjustment» and authoritarianism // *Journal of Personality.* 1967. N35. P. 118-133.

193. Meeus, W., Iedema, J., Helsen, M., & Vollebergh, W. (1999). Patterns of adolescent identity development: Review of literature and longitudinal analysis. *Developmental Review*, 19, 419-461.

194. McAdams, D.P. *The stories we live by: Personal myths and the making of the self.* N. Y., 1993.

195. McAdams, D.P. What do we know when we know a person? // *J. Pers.* 1995. 63. P. 365–396.

196. McAdams, D. P., & Pals, J. L. A new big five. Fundamental principles for an integrative science of personality. *American Psychologist*, Vol. 61, 2006. P.204–217.

197. Mead, G.H. *The Individual & the Social Self.*– Chicago, London, 1982.– P.104-209.

198. Merleau-Ponty, M. *La structure du comportement.*– 5 ed.– Paris: P.U.F.,1963.– Vol. XVI.– p.248
199. Mitchell, V.W. and Kiral, R. H. Risk positioning of UK grocery multiple retailers, *The International Review of Retail Distribution and Consumer Research*, 1999. Vol.9 (1), P.17-39.
200. Modell, J. How do you introduce yourself as a childless mother? Birthparent interpretations of parenthood // *Storied lives: The cultural politics of self-understanding* / G.C. Rosenwald, R.L. Ochberg (Eds.), New Haven, CT, 1992. P. 76–94.
201. Murray, H.A. *Explorations in personality*. N. Y., Oxford University Press 1938. p. 816
202. Pillemer, D.B. *Momentous events, vivid memories*. Cambridge, M A, 1998. P. 255
203. Riemann, R. The bipolarity of personal constructs. *International Journal of Construct Psychology*, Romano, M. E. Bumpy moments. –1990. – P.149-165.
204. Robertson, E. Teaching without ideals? *PES–yearbook 2000*, p.51-54. Retrieved from <http://ojs.ed.uiuc.edu/index.php/pes/article/view/1942/653>
205. Schaffer, B. & SchloLeder B. Nationalbewustsein als Aspect Sozialer Identitaet. // Leidinger P. & Metzler D. (eds.). *Geschichte und Geschichtebewusstsein*. Muenster. 1990.
206. Serafini, T. E. Validating the Functions of Identity Scale: Addressing method–ological and conceptual matters. *Dissertation abstracts international: Section B. The Sciences and Engineering*, Vol. 17, No. 2, 2010 – P. 55-71
207. Serafini, T. E., & Adams, G. R. Functions of identity: Scale construction and validation. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, Vol. 2, 2002 – P. 361–389
208. Serafini, T.E. The Functions of Identity Scale: Validity and test–retest reliabil–ity. Poster presented at the Biennial Meeting of the Society for Research on Adolescence, Chicago, Illinois. *Systems Journal* 104, 2008 P. 347–367.

209. Schwartz, S. J., Beyers, W., Luyckx, K., Soenens, B., Zamboanga, B. L., Forthun, L. F., et al. Examining the light and dark sides of emerging adults' identity: A study of identity status differences in positive and negative psychosocial functioning. *Journal of Youth and Adolescence*, 40, 2010. P.839–859.

210. Tajfel, H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1982.

211. Tajfel, H., Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict*.// *The social psychology of intergroup relations*./ Ed. by W.C.Austin, S.Worchel. Montrey, Calif.: Brooks/ Cole, 1979, p. 33–47.

212. Tajfel, H. *Differentiation between social groups: studies in the social psychology of intergroup relations*. London: Academic Press. p. 474

213. Thorne, A. Personal memory telling and personality development // *Pers. Soc. Psychol. Rev.* 2000. 4. P. 45–56

214. Tolman, E.C. *Principles of behavior // Psychology. A study of science*.— New York, 1959.— Vol.2.

215. Tomkins, S.S. *The Thematic Apperception Test: The Theory & Technique of Interpretation*.— N.Y.: Grune & Stratton, 1947.

216. Tomkins, S.S. *Script theory* . In H.E. Howe & R.A. Ditnstbier (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln : University of Nebraska Press.

1979 Vol. 26, p. 201–236

217. Turner, J.C. *Social categorization and the self–concept: A social cognitive theory of group behavior* // Lawler E.J. (ed.) *Advances in group process. Theory and research*.. Greenwich: Connect, 1985. Vol. 2 P. 77–122

218. Walkover, B.C. *The family as an overwrought object of desire* // *Storied lives: The cultural politics of self–understanding* / G.C. Rosenwald, R.L. Ochberg (Eds.). New Haven, CT, 1992. P. 178–191.

219. Waterman, A. S. *Identity as an aspect of optimal psychological functioning*. In J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer, & J. L.

Orlofsky (Eds.), *Identity: A handbook for psychosocial research* 1992. P. 50–72. New York: Springer–Verlag. Yip, T., Seaton,

220. Watermann, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Devel. Psychol.* 1982. Vol. 18. N 3. P.341-358

Приложение А
(обязательное)

Бланк методики Автобиография

Хронологическая таблица

Дата	Событие	Субъективное состояние	Самохарактеристика	Оценка периода момента
1992г., июнь	день рождения	—	—	—
1996г., июль	рождение сестренки	радость, восторг	я была активной и веселой	остаток детства
1997г.	пошла в садик	расширение, тревога	я была спокойная	—
1999г. сентябрь	пошла в школу	радость, ожидания, что это будет	я была правильной девочкой	-; +
2003г. сентябрь	пошла в 5 класс, новый коллектив	тревога, переживания	я была правильной девочкой	—
2009-2010г.	11 класс, сдача ЕГЭ.	переволакивание, расширение	была спокойной и в то же время усердно трудилась	-; +
2010г. август	консультации и консультации	радость, расширение	—	+

Возраст 18 лет

Пол женский

Национальность казашка

Факультет психолого-педагогический

Дата заполнения 3.11.2010г.

Приложение Б (справочное)

Бланк методики Мадди

№	Вопросы	нет	скорее нет, чем да	скорее да, чем нет	да
1	Я часто не уверен в собственных решениях.				
2	Иногда мне кажется, что никому нет до меня дела.				
3	Часто, даже хорошо выспавшись, я с трудом заставляю себя встать с постели.				
4	Я постоянно занят, и мне это нравится.				
5	Часто я предпочитаю «плыть по течению».				
6	Я меняю свои планы в зависимости от обстоятельств.				
7	Меня раздражают события, из-за которых я вынужден менять свой распорядок дня.				
8	Непредвиденные трудности порой совершенно утомляют меня.				
9	Я всегда контролирую ситуацию настолько, насколько это необходимо.				
10	Порой я так устаю, что уже ничто не может заинтересовать меня.				
11	Порой все, что я делаю, кажется мне бесполезным.				
12	Я стараюсь быть в курсе всего происходящего вокруг меня.				
13	Лучше синица в руках, чем журавль в небе.				
14	Вечером я часто чувствую себя совершенно разбитым.				
15	Я предпочитаю ставить перед собой трудно достижимые цели и добиваться их.				
16	Иногда меня пугают мысли о будущем.				
17	Я всегда уверен, что смогу воплотить в жизнь то, что задумал.				
18	Мне кажется, я не живу полной жизнью, а только играю роль.				
19	Мне кажется, если бы в прошлом у меня было меньше разочарований и невзгод, мне было бы сейчас легче жить на свете.				
20	Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми.				
21	Испытав поражение, я буду пытаться взять реванш.				
22	Я люблю знакомиться с новыми людьми.				
23	Когда кто-нибудь жалуется, что жизнь скучна, это значит, что он просто не умеет видеть интересного.				
24	Мне всегда есть чем заняться.				
25	Я всегда могу повлиять на результат того, что происходит вокруг.				
26	Я часто сожалею о том, что уже сделано.				
27	Если проблема требует больших усилий, я предпочитаю отложить ее до лучших времен.				
28	Мне трудно сблизиться с другими людьми.				
29	Как правило, окружающие слушают меня внимательно.				
30	Если бы я мог, я бы многое изменил в прошлом.				
31	Я довольно часто откладываю на завтра то, что трудно осуществимо, или то, в чем я не уверен.				
32	Мне кажется, жизнь проедит мимо меня.				
33	Мои мечты редко сбываются.				
34	Неожиданности дарят мне интерес к жизни.				
35	Порой мне кажется, что все мои усилия тщетны.				
36	Порой я мечтаю о спокойной размеренной жизни.				
37	Мне не хватает упорства закончить начатое.				
38	Бывает, жизнь кажется мне скучной и бесцветной.				
39	У меня нет возможности влиять на неожиданные проблемы.				
40	Окружающие меня недооценивают.				
41	Как правило, я работаю с удовольствием.				
42	Иногда я чувствую себя лишним даже в кругу друзей.				
43	Бывает, на меня наваливается столько проблем, что просто руки опускаются.				
44	Друзья уважают меня за упорство и непреклонность.				
45	Я охотно берусь воплощать новые идеи.				

Приложение В
(справочное)

Опросник методики Типы этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.Е. Рыжова.

Я – человек, который...

Согласен, Скорее согласен, В чем-то согласен, в чем-то нет Скорее не согласен, Не согласен

1. предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам
2. считает, что межнациональные браки разрушают народ
3. часто ощущает превосходство людей другой национальности
4. считает, что права нации всегда выше прав человека
5. считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения
6. предпочитает образ жизни только своего народа
7. обычно не скрывает своей национальности
8. считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности
9. часто испытывает стыд за людей своей национальности
10. считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа
11. не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную
12. нередко чувствует превосходство своего народа над другими
13. любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов
14. считает строго необходимым сохранять чистоту нации
15. трудно уживается с людьми своей национальности
16. считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей

Продолжение Приложения В

17. безразлично относится к своей национальной принадлежности
18. испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь
19. готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия
20. считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов
21. часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности
22. считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами
23. считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории
24. раздражается при близком общении с людьми других национальностей
25. всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре
26. считает необходимым "очищение" культуры своего народа от влияния других культур
27. не уважает свой народ
28. считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу
29. никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам
30. считает, что его народ не лучше и не хуже других народов

Приложение Г
(обязательное)

Бланк репертуарного теста

	Репертуарный список	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1.	Дипломаты																		
2.	Арабы	0																	
3.	Хиппи										0								
4.	Казахи							0							0		0		0
5.	Коммунисты																		
6.	Японцы																		
7.	Французы																		
8.	Русские								0			0							
9.	Врачи																		
10.	Художники																		
11.	Чиновники									0									
12.	Индейцы				0									0					
13.	Бизнесмены												0						
14.	Китайцы			0												0			
15.	Сельские жители																		
16.	Христиане																		
17.	Учителя																		
18.	Немцы		0																
19.	Американцы																		
20.	Мусульмане					0													
21.	Оралманы						0												
К О Н С Т Р У К Т Ы		вопросы, решения, культура	мнение людей	мнение: от одного человека	важные моменты, важные моменты	да, свободное решение	орис, сферы	идеи и идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи	идеи, идеи, идеи

Пол *женский*

Национальность *казахская*

Возраст *18 лет*

Факультет *Театрального-педагогического*

Дата заполнения анкеты *4.11.2010 год*

Приложение Д
(справочное)

Таблицы корреляционного анализа по шкалам этнической идентичности

Таблица 1 — Корреляционный анализ по критерию ранговой корреляции Спирмена для шкал этнической идентичности по методике Солдатовой и шкал по тесту Мадди. - статистическая значимость при $p < 0,05$

	Шкалы Мадди		
Шкалы методики Солдатовой	вовлеченность	контроль	принятие риска
этнонигилизм	-0,18	-0,12	-0,24
этнич. индифферентность	-0,35*	-0,11	-0,15
позитивная этн.идентичность	-0,35*	0,17	-0,04
этнич. эгоизм	-0,06	-0,14	-0,06
этнич. изоляционизм	0,06	-0,01	-0,02
нац. фанатизм	-0,08	-0,20	-0,25

Таблица 2 — Корреляционный анализ по критерию ранговой корреляции Спирмена для шкал этнической идентичности по методике Солдатовой и шкал по оценкам в биографии. - статистическая значимость при $p < 0,05$

	Шкалы по оценкам в биографии		
Шкалы методики Солдатовой	Плотность событий в биографии	Положительная оценка в биографии	Отрицательная оценка в биографии
этнонигилизм	-0,01	0,01	0,10
этнич. индифферентность	0,06	0,06	0,02
позитивная этн.идентичность	-0,17	-0,03	-0,41*
этнич. эгоизм	-0,07	-0,02	-0,01
этнич. изоляционизм	-0,11	-0,01	-0,06
нац. фанатизм	-0,04	0,03	-0,07

Продолжение Приложения Д
(справочное)

Таблица 3 — Корреляционный анализ по критерию ранговой корреляции
Спирмена для шкал этнической идентичности по методике Солдатовой и шкал теста
«Кто Я?». - статистическая значимость при $p < 0,05$

Шкалы методики Солдатовой	Шкалы «Кто Я»	
	уровень дифференциации	сфера
этнонигилизм	0,37*	-0,04
этнич. индифферентность	-0,07	-0,21
позитивная этно.идентичность	-0,23	0,10
этнич. эгоизм	0,00	0,07
этнич. изоляционизм	0,15	0,18
нац. фанатизм	-0,02	0,10

Таблица 4 — Корреляционный анализ по критерию ранговой корреляции Спирмена для
шкал этнической идентичности по методике Солдатовой и конструкторов Келли. -
статистическая значимость при $p < 0,05$

Шкалы методики Солдатовой	Конструкторы Келли					
	у прежда ющие	пред полагающие	ко нстеллято рные	упре ждаю щие (автостерео тип)	пре дполагаю щие (автостере ротип)	ко нстелля тор ные (автостере отип)
этнони гилизм	0 ,18	- 0,22	- 0,03	0,00	0,0 1	- 0,12
этнич. индифферент ность	- 0,04	- 0,21	0, 13	0,28	- 0,06	- 0,14
позити вная этно.идентично сть	0 ,02	- 0,15	- 0,15	- 0,21	0,0 5	- 0,04
этнич. эгоизм	0 ,03	0,05	0, 01	0,00	- 0,43*	- 0,02
этнич. изоляционизм	0 ,03	- 0,17	- 0,09	- 0,07	- 0,07	- 0,01
нац. фанатизм	0 ,05	- 0,13	- 0,23	- 0,11	0,0 0	- 0,16